Владимир Баркалов

Пепла и снега

Владимир Баркалов

Пепла и снега

«Автор»
2026

Баркалов В. В.

Пепла и снега / В. В. Баркалов — «Автор», 2026

Девять дней поезд везёт целый город сквозь снег. В вагонах пекут хлеб, сушат детские варежки и ждут первой остановки. За окнами снег уже сер от пепла. Ночью машинист Андрей замечает у рельсов человека с красным фонарём. Тот выходит прямо на путь. За поворотом, говорит он, мост через Чёрную. Андрей сверяется с картой: до моста ещё сорок километров.На станции, где состав находит укрытие, вода подбирается к шпалам. Уголь берегут для больничной печи, а из запаса пропадают два мешка. Федя узнаёт в пустом вагоне тот самый девятый, который считали оставшимся у моста. Ему удаётся найти карточку одного из пассажиров. Где искать самого человека, никто толком не знает.На верхнем посту обещают топливо и места для двух бригад. Вера уже нашла четырнадцать мест для лежачих, но вагон, который их согласился принять, собираются оставить. Андрей обещает вернуться за теми, кто останется на станции. Чтобы сдержать слово, ему придётся вывести состав по старому пути, которого нет на станционном плане.

© Баркалов В. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 6
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Владимир Баркалов
Пепла и снега

ПЕПЕЛ И СНЕГ

Глава первая

Лампа над пультом горела ровно, хотя кабину трясло так, что ложка в стакане звенела на каждом стыке. Машинист вынул её и сунул за край приборной доски. Теперь было слышно, как по стеклу шуршит снег.

Дворник сгонял его влево. На обратном ходу стекло опять белело. Иногда в свете прожектора показывались рельсы. Машинист успевал увидеть, куда они уходят, и следующие несколько секунд вёл состав по памяти.

За локомотивом спал город. В третьем вагоне пекли хлеб к утру. В седьмом, где жили семьи путейцев, до сих пор не заделали щель под дверью, и жильцы затыкали её старым матрасом. Машинист знал, что при резком торможении матрас вылетит в коридор. Знал даже, кто будет его поднимать. Поезд шёл уже девятый день.

На крючке возле окна висела рукавица. Вторую он утром отдал мальчишке, который пришёл из жилого вагона посмотреть, как ведут поезд. Мальчишка сразу спросил, можно ли открыть окно. Машинист сказал, что на ходу нельзя, и получил в ответ вполне разумный вопрос:

— А когда мы будем стоять?

Он пообещал позвать его на первой остановке.

Рация щёлкнула.

— Голова, это хвост. У вас снег какого цвета?

Машинист снял трубку. Голос принадлежал сцепщику, который уже дважды за ночь выходил на заднюю площадку сбивать лёд с фонаря.

— Белый, — сказал машинист. — А у тебя?

— На рукаве серый. Думал, от трубы несёт. У нас теперь и на стёклах по всему левому борту.

Машинист придвинул лампу к окну. У нижнего края стекла, где снег успевал подтаять, тянулись тонкие чёрные полосы.

— Заднюю дверь закрой. Скажи кочегарам, пусть проверят воздухозаборники.

Он положил трубку и потянулся к карте. До ближайшего посёлка оставалось сорок километров. Ветер дул оттуда.

Впереди, чуть правее рельсов, вспыхнул красный огонёк.

Машинист сразу убрал тягу. Огонёк описал дугу и снова опустился. Кто-то стоял у пути и махал фонарём, полукругом, как учили на железной дороге, когда нужно остановить поезд.

Он взялся за тормозной кран. До человека было ещё далеко, но город на такой скорости мог протащить локомотив мимо него. Машинист дал первый короткий сброс. Вагоны один за другим подались вперёд, выбирая люфт в сцепках.

Красный свет поднялся снова. На этот раз прожектор поймал руку, державшую фонарь, и открытый рот под низко надвинутой шапкой. Человек кричал. Сквозь стекло не было слышно ни слова.

Потом он отбросил фонарь в снег и вышел на рельсы.

Машинист перевёл кран до упора. В глубине кабины разбился стакан.

Стакан ещё катился под сиденьем, когда первая сцепка ударила в локомотив. За ней ударила вторая. Дальше машинист уже не считал. Он вцепился в край пульта и смотрел на человека в свете прожектора.

Тот продержался на рельсах, пока между ним и поездом оставалось шагов десять. Потом прыгнул в сторону. Машинист увидел, как его шапка задела стойку у ступеньки, и потерял его из виду.

Поезд остановился. Из-под пола ещё тянуло воздухом, в рации разом заговорили несколько человек. Кто-то из хлебного вагона требовал сказать, сколько они простоят. У него две формы упали в печь.

— Хвост, доложи, как у тебя, — сказал машинист.

— Стоим. Девятый жалуется, что шкаф лёг поперёк прохода. Уже подняли. Что впереди?

— Сейчас посмотрю.

С площадки было видно, что человек жив. Он сидел в снегу, прижав ладони к ушам. Шапки на нём не было. Машинист спустился и узнал путейскую куртку с двумя рядами медных пуговиц. Такие выдавали ещё до того, как посёлки начали разбирать свои станции на дрова.

— Встать можешь?

Человек опустил руки.

— Вы до моста дошли?

— До какого моста?

— Через Чёрную. Тут он, за поворотом.

Машинист обернулся. Прожектор освещал метров тридцать пути. Дальше рельсы уходили вправо, за снежную насыпь. В его карте мост через Чёрную стоял сразу за посёлком, в сорока километрах отсюда.

— Ты откуда пришёл?

Человек показал на локомотив. Машинист сперва решил, что тот указывает куда-то за него. Потом увидел у него на ладони медную пуговицу. На обороте были процарапаны две буквы. Такими же буквами машинист утром пометил рукавицу, чтобы мальчишка мог вернуть её после прогулки по вагонам.

— Он дал мне её, чтобы я постучал в стекло, — сказал путеец. — Фонарь у меня один. Я думал, его хватит.

— Где мальчик?

— У моста. Там ещё трое ваших.

Машинист поднялся в кабину и взял трубку.

— Седьмой, ответь. У вас мальчишка в моей рукавице. Найдите его.

Пока он ждал, путеец внизу поднял из снега свою шапку. Из неё высыпалась серая труха. Он отряхнул шапку, надел и пошёл вперёд по насыпи, туда, где рельсы скрывались за поворотом.

— Седьмой на связи, — отозвалась наконец женщина. — Он спит. Мне его будить?

Машинист посмотрел на пустой крючок у окна. Рукавица, которую он утром оставил себе, исчезла.

— Не буди, — сказал он. — Посмотри, что у него на руке.

Женщина положила трубку так близко к себе, что он услышал её шаги. Потом скрипнула койка.

— Рукавица. Спит в ней. А что?

— Побудь с ним. Если проснётся, скажи, что я скоро приду.

Машинист вызвал хвост и сказал, что идёт осмотреть путь. Попросил никого не выпускать из вагонов. Потом снял с гвоздя запасной фонарь и сунул голую руку в карман.

Снаружи прожектор бил ему в спину. Пока он шёл вдоль насыпи, его тень каждый раз заслоняла то место, куда он собирался поставить ногу. Путеец уже скрылся за поворотом. Там кончался свет локомотива, и пришлось включить фонарь.

— Эй! — крикнул машинист.

— Сюда. По шпалам не ходи.

Путеец стоял ниже, на склоне. От полотна к нему вела узкая тропа. Снег на ней был утоптан, будто за ночь здесь прошёл десяток людей.

— Далеко ещё?

— Слышишь воду?

Машинист остановился. Прежде ему казалось, что шумит ветер в проводах. Теперь, когда путеец замолчал, он различил тяжёлые, редкие удары. Под мостом шёл лёд.

Он посветил вдоль рельсов. У края насыпи одна нитка заметно просела. Вторая ещё держалась, и по ней можно было взглядом пройти до самой фермы. Там, где мост опирался на ближний берег, между настилом и насыпью чернела щель. Машинист прикинул, сколько ещё составу понадобилось бы пройти, чтобы первая колёсная пара оказалась над ней. Меньше, чем длина хлебного вагона.

— Кто у моста? — спросил он.

Путеец повёл его вниз. Под насыпью ветер стих, и стало слышно, как скребёт лопата. Возле опоры горел фонарь, прикрытый с трёх сторон листами железа. Двое взрослых выгребали снег из-под фермы. Третий лежал на настиле у них за спиной. Рядом с ним на корточках сидел мальчик.

— Вы всё-таки остановились, — сказал мальчик.

На его правой руке была рукавица. Он снял её и протянул машинисту. На большом пальце виднелся косой шов. Машинист зашил её сам, ещё до выхода из депо. Шов был только на той рукавице, которую он оставил себе.

Из кармана донёсся голос сцепщика.

— Голова, ответь. Тут из седьмого пришли. Мальчишка проснулся, хочет с тобой поговорить.

Мальчик у опоры услышал рацию и убрал протянутую руку.

— Скажите ему, чтобы пока не открывал окно, — попросил он.

Машинист поднял рацию.

— Передай ему, что окно заклинило. Утром приду чинить.

Он сказал это тем голосом, каким обычно отвечал детям, когда они спрашивали, отчего ночью в вагонах холодно. Как будто до утра уже всё было расписано.

— Передам, — ответил сцепщик. — А ты когда назад?

— Минут через десять.

Мальчик у опоры подождал, пока он уберёт рацию, и снова протянул рукавицу.

— Бери. Я её высушил.

Она и правда была сухая. Даже тёплая с той стороны, где мальчик только что держал её под мышкой. Машинист сунул руку внутрь. Пальцы нашли шов, грубый и слишком тугой. Он тогда торопился к отправлению и стянул края так, что большой палец теперь всё время тёрся о нитку.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Мальчик оглянулся на людей с лопатами. Один из них перестал копать. Это была женщина в длинном пальто поверх рабочей куртки. Плечи у неё были в снегу, хотя сюда снег почти не долетал.

— Я Коля, — сказал мальчик.

Машинист знал, что мальчика из седьмого зовут Коля. Утром он спросил его имя, когда собирался подписать рукавицу. Мальчик тогда назвался Николаем и проследил, чтобы машинист вывел обе буквы целиком.

— Коля, там человек лежит. Что с ним?

— Нога.

На настиле было темно. Машинист посветил под ноги и увидел лицо лежащего. Мужчина оказался молодым, с поломанным передним зубом и чёрной полосой под носом. Правая штанина у него задралась. Выше голенища сапога нога лежала под таким углом, что машинист невольно отвёл луч. Молодой человек открыл глаза.

— Сколько вагонов успели?

— Все стоят на насыпи.

Мужчина закрыл глаза и выдохнул.

— Значит, я зря вниз полез.

Женщина воткнула лопату в снег и пошла к ним.

— Он перебирался к опоре по кабелю. Хотел завести лебёдку с другой стороны. Мы спустили его сюда на ремнях.

— Зачем вам лебёдка?

Она показала за фонарь. К стойке фермы была привязана верёвка. Другой конец уходил в воду.

— Там человек.

Машинист шагнул к краю. Лёд шёл большими плоскими кусками. Каждый раз, когда очередной кусок подходил к опоре, его разворачивало поперёк течения и ломало. Верёвка тянулась наискось к отмели у второго быка. Сначала он увидел на ней узел. Потом узел приподнялся, и машинист понял, что это кисть. Ещё одна рука лежала на кромке льда. Головы с берега видно не было.

— Как давно он там?

— С тех пор, как пропустили первый поезд, — ответила женщина.

Машинист повернул фонарь на неё.

— Какой первый?

Женщина прикрыла глаза ладонью.

— Уберите свет. Он мне и так до сих пор в глазах стоит.

Путеец подошёл к лежащему и накрыл ему ногу своим шарфом. Потом сказал, глядя на узкую полосу воды между настилом и отмелью:

— У вас в городе есть ручная лебёдка. В путейском вагоне. Принесите её сюда и троих, кто умеет работать на верёвке. Печь у нас в будке ещё тёплая. Поднимем обоих, там отогреем.

— Сам будешь держать трос? — спросил машинист.

— Буду.

— Как зовут?

— Егор.

— Хорошо, Егор. Если меня долго нет, никого больше на воду не пускай.

У настила хрустнул лёд. Рука на кромке сжалась, и верёвка звякнула о болт. Женщина легла на живот, перевесилась через край и крикнула, чтобы человек внизу слышал её голос. Она повторяла одно имя. С третьего раза машинист разобрал: Павел.

Он пошёл вверх по тропе. Коля полез следом. На крутом месте мальчик поскользнулся, схватил его за полу и успел встать, прежде чем машинист обернулся.

— Я помогу донести.

— Тебе здесь кто-нибудь сказал, что делать?

— Держать фонарь, если он упадёт. Он два раза падал.

— Тогда держи.

Машинист отдал ему свой фонарь. Мальчик взял его обеими руками и посветил на землю. Из-под снежной кромки торчал чёрный провод. На конце блестела свежая медь.

— Ну вот, — сказал мальчик. — В прошлый раз вы его не увидели.

Прежде чем машинист успел спросить, Коля спустился обратно к настилу. Свет поплыл по склону и лёг на неподвижную ногу раненого.

В кабине пахло остывшим чаем. Машинист поднял с пола осколок с круглым толстым дном, положил его на пульт и открыл дверцу шкафчика. Там лежали ракетница, пачка накладных и вторые часы, которые он держал на случай отказа приборов. Часы шли. Они показывали два часа восемь минут. Часы над пультом показывали два семнадцать.

Он посмотрел на рацию. Нажал кнопку.

— Хвост. Мне нужны три человека и ручная лебёдка из седьмого. Вывести через мою кабину. Остальные остаются в городе.

Ответил другой голос:

— Андрей, подойди к двери.

Машинист узнал Веру. Она говорила тихо. Между словами было слышно, как она выдыхает в трубку.

— Что случилось?

— Подойди. Я у локомотива.

Она стояла на верхней ступеньке, с медицинской сумкой на груди. В одной руке держала фонарь, в другой — ключ от его кабины. Он дал ей этот ключ зимой, после ночного рейса, когда она нашла его уснувшим сидя у открытого окна. С тех пор Вера иногда заходила к нему погреть руки. Она всегда стучала.

Он открыл.

— Я попросил троих с лебёдкой.

— Слышала. Лебёдки нет.

— Куда делась?

— В ведомости она на месте. В ящике лежат две тормозные колодки. По весу примерно то же самое.

Андрей взял её за плечо и втащил внутрь. На вороте её пальто лежал серый снег. В тепле он намок и проступил сквозь ткань.

— Кто смотрел?

— Я. Ключ у меня. Федя из путейцев помог открыть, пломбу срезали при нём. — Вера поставила сумку на сиденье. — Что там впереди?

— Мост. Есть раненые. Один в воде.

Она расстегнула сумку и вытащила из-под бинтов полотняный мешочек. В нём звякнуло стекло.

— Здесь обезболивающее и иглы. Скажи, кто идёт.

Он назвал Федю и двух кочегаров. Потом вспомнил о верёвке, о руке, которая сжималась на льду. В кабине под сиденьем был буксирный трос, но втроём с берега они могли только натянуть его. Чтобы поднять человека над льдом, нужно было тянуть сверху или двигать весь состав. До провала оставалось меньше вагона. Запас хода был, если толкать назад. Для этого надо было дождаться, пока хвост пройдёт по вагонам и предупредит людей. А ещё надо знать, выдержит ли насыпь второй рывок.

Вера посмотрела на его руку.

— Ты нашёл вторую?

— У моста мальчик. Говорит, его зовут Коля.

Она подняла на него глаза. Потом достала из кармана сложенный вчетверо листок. На нём карандашом были нарисованы локомотив, два окна и длинная чёрная линия поперёк белого поля.

— Коля из седьмого передал тебе. Сказал, что нарисовал, пока ты ходил.

Андрей развернул лист до конца. По другую сторону чёрной линии стоял человек с фонарём. Рядом с ним детской рукой было выведено его имя. Андрей узнал наклон букв. Утром мальчик точно так же подписал свой рисунок на запотевшем стекле. Только здесь возле человека было ещё одно имя, перечёркнутое так усердно, что бумага порвалась.

— Вера. Кто выписывает имущество из путейского?

— Приказ подписывает начальник города. Ключ от ящика до вчерашнего вечера был у Костина.

— Почему теперь у тебя?

— Костин принёс. Сказал, что утром всё равно понадобится.

В рации снова заговорил сцепщик. Попросил разрешить возобновить подачу пара в жилые вагоны. После остановки половину заслонок заклинило, в девятом люди уже вышли в коридор с одеялами. Там лежали двое с горячкой, и одна женщина грела им ноги бутылкой, которую выпросила у пекарей.

Андрей посмотрел на Веру. Она прижимала к боку сумку, готовая идти.

— Бери Федю и трос. Я дам задний ход, когда убедимся, что трос закреплён. На мост без Егора не ступайте.

— А ты сам спустишься?

— Потом. Сперва мне нужно найти Костина.

Вера подала ему ключ от кабины. Он сжал её пальцы вокруг ключа.

— Оставь у себя.

Она спустилась на нижнюю ступеньку и почти сразу вернулась.

— Андрей. Если он скажет, что лебёдку пришлось отдать за уголь, спроси, сколько угля он действительно привёз.

Он хотел спросить, почему она сама до сих пор не спросила. Вера уже закрыла дверь. На снегу внизу остался квадрат света от её фонаря. Потом и он ушёл под вагон.

Из локомотива в город можно было пройти по узкой площадке над сцепкой. На ней лежал снег, утоптанный Верой. Андрей переступил через следы. В первом вагоне стояло столько тепла, что у него запотели ресницы.

Здесь была котельная. Дежурный сидел у манометров в одной рубахе и чинил ремешок наручных часов. Дверь в дальнем конце вагона распахнули настежь. Андрей подумал, что выпускают жар в коридор, и хотел сказать, чтобы прикрыли. Под дверью стояла девочка с жестяным тазом. Она держала его над решёткой в полу, где проходила труба. В тазу была пара детских сапог.

— Они у нас за ночь промерзают, — сказала она.

— А у вас в каком вагоне?

— В девятом.

Дежурный поднял голову.

— Иди уже. Через двадцать минут поменяемся. Ты тут одна сегодня?

— Брат кашляет.

Он отложил ремешок, подхватил таз и поставил его на пустую скамью у печи. Девочка села рядом, сложив руки на коленях. Андрей видел её прежде на сходке жильцов. Тогда она стояла за спиной у брата и потихоньку вытягивала нитку из его рукава. Отец говорил от их семьи. Кажется, его звали Лёней.

Костин был в третьем. За кухонной перегородкой пекарь выковыривал из печи упавший хлеб. Две буханки лопнули по всей длине. Пекарь уложил их на доску отдельно от целых. У стола, где обычно резали хлеб на пайки, Костин держал под краном руку. Рядом на полу валялся нож с отломанным кончиком.

— Кипяток пошёл в мойку, — сказал он, увидев Андрея. — Чуть кожу не снял.

Андрей прикрыл дверь.

— Куда дел ручную лебёдку?

Костин дотянулся до полотенца и промокнул пальцы. На костяшках выступила кровь. Андрей посмотрел на нож.

— До рассвета у тебя и так были вопросы к снабжению, — сказал Костин. — Я велел поднять накладные. Будем разбирать при всех, как договорились.

— Сейчас она нужна на мосту. Человека надо поднять.

Костин медленно расправил полотенце и положил его на стол.

— До моста ещё сорок километров.

— Спустись со мной. Увидишь.

Костин заглянул в открытую дверь кухни. Пекарь сидел перед печью на корточках и считал формы. Когда он дошёл до двенадцатой, вернулся к первой.

— Пойдём, — сказал Костин.

Он провёл Андрея через хлебный тамбур к себе. Кабинет сделали из старого купе. Нижние полки сняли, верхнюю, где раньше лежал багаж, оставили. На ней рядами стояли жестяные банки. Увидев взгляд Андрея, Костин достал ближнюю банку и открыл. Внутри лежали карандаши, две пуговицы и сахар.

— Можешь взять. Я руки обжёг, пока кипятил воду для девятого. Бутыль несут им.

Андрей подвинул банку обратно к нему.

— Где лебёдка?

— У Гали на перегоне. Я оставил её за уголь.

— Сколько взял?

— Шесть мешков.

Андрей знал каждый груз, который входил в город с той стоянки. Уголь грузили у него на глазах. Он даже помогал затаскивать мешки: один порвался, и они собирали куски прямо с площадки.

— Было два.

— На платформе было два. Она обязалась выдать остальное здесь, в посёлке. У брата склад. Я брал до посёлка.

— Кто подписал?

— Я.

Андрей ждал, что он добавит чью-нибудь фамилию. Костин снял с полки вторую банку, поставил на стол и открыл. В ней лежали ключи от складов с картонными бирками. Самый маленький был без бирки. Костин достал его и прижал пальцем к столешнице.

— Знаешь, сколько мы могли бы стоять на двух мешках? До сегодняшнего вечера. Я велел кухне дать горячую воду в девятый, а они попросили сначала приказ с печатью. К утру мне надо было привести город к складам. Думаешь, как я решал, что отдать?

— Ручную лебёдку можно было вынести при всех. Зачем подменил колодками?

— Затем, что Федя два года просил купить её на выручку с ремонта, а из всех, кто поднимал руку на сходке, за него был один ты. Я хорошо помню, как они торговались. Сегодня эти же люди вскрыли бы ящик при первой стоянке и велели бы отправляться за ней пешком. Мне некому их послать.

Андрей потрогал ключ. У него была свежая насечка поперёк бородки.

— От чего?

— От ящика с талью. Маленькой. На полтонны. Сама она во втором, под запасным колосником. Тебе подойдёт?

— А зачем ты держишь её под колосником?

— Купил для себя, когда думал уйти из города. Хотел в посёлке открыть мастерскую. Теперь всё равно бери.

Андрей убрал ключ в нагрудный карман. Костин сел у стола. Должно быть, рука снова заболела. Он подтянул к себе полотенце и обернул пальцы.

— Ещё кое-что, — сказал он. — Пока ты ходил под мост, мне принесли журнал. Сигнал с перегона пришёл раньше, чем ты увидел фонарь. Я просил диспетчера тебя не будить до двух. Ты спал восемь часов за два дня. Если бы я знал, что ты всё это время за пультом, я бы зашёл сам.

— Какой сигнал?

Костин открыл нижний ящик. Журнал лежал у самой стенки, под стопкой ведомостей. Он перелистал две страницы и повернул книгу к Андрею. В графе входящих сообщений стояло время 01:53. Дальше шёл обычный служебный почерк диспетчера. «Город, дайте людей к

мосту. Павел держится у второго быка». Под сообщением было приписано: «Повтор в 02:08». Имя дежурного под второй записью отсутствовало.

— Кто принёс?

— Паша. Я видел, как он положил журнал на стол.

— Паша на мосту, — сказал Андрей. — По крайней мере, человека в воде зовут Павел.

Костин достал из стакана карандаш и придвинул журнал к себе.

— У Паши жена в пятом. Вызвать?

Андрей посмотрел на рацию. До сих пор никто не просил разрешения спуститься с тросом. Он нажал кнопку и вызвал Веру. В ответ услышал короткий треск, словно кто-то на том конце разворачивал тугую бумагу. Потом Вера сказала:

— У нас оборвалась верёвка.

— Где он?

— Пока на льдине. Она стоит боком у опоры. Как только лёд развернёт, уйдёт под мост. Андрей, у Егора есть старый блок. Если мы протянем трос через него, ты сможешь тянуть с насыпи, прямо локомотивом.

Андрей вытащил ключ и положил на журнал. Он прикинул, сколько времени займёт поднять колосник в тесноте под печью, вынести таль и отнести к воде. С талью пришлось бы работать внизу. Состав мог натянуть трос быстрее. Вагоны до сих пор стояли на тормозах, и каждый, кто попробует сойти в темноте, услышит движение слишком поздно.

— Трос только на крюк. Руками по натянутому тросу не держитесь. Пока все не отойдут, я не двинусь.

— Поняла.

Он услышал, как Вера передала его слова, громко, по одному. Ей ответил Егор. Потом послышался мальчишеский голос, близко и отчётливо:

— Я у окна стоял. Вы сказали, что встанете.

Андрей посмотрел на Костина. Тот слышал то же самое и ждал, что он ответит.

— Иди в хвост, — сказал Андрей. — Предупреди, что даю назад. Пусть скажут людям, чтобы сели и убрали руки с дверей. Когда дойдёшь, доложи сам.

Костин застегнул пальто до горла. Ключ на журнале он оставил. Андрей сунул ключ в карман и пошёл через кухню. Пекарь успел снять целые формы. Одну из расколотых буханок он разломил руками и завернул куски в чистое полотенце.

— Отнесёшь девочке в первый? — спросил Андрей.

— Сам отнесу. Ты сколько ещё стоишь?

— Сейчас отойдём немного назад.

Пекарь посмотрел на нож возле мойки и подвинул его глубже под стол.

— Тогда скажи людям, что хлеб сегодня будет позже. Если они услышат от тебя, я, может, успею закрыть дверь.

У сцепки Андрей встретил Федю. Тот прижимал к груди обледенелый карабин. У него выпала одна рукавица, и Андрей, пока Федя наклонялся, придержал его за ворот. Внизу между вагонами шевелился чёрный воздух.

— Вера на месте?

— В будку отнесли того со сломанной ногой. Она вернулась к воде. Я закрепил за серьгу, сам пролезал под площадкой. Крюк выдержит.

— Кто у блока?

— Егор. Он очень беспокоится, что у нас вагоны на тормозах.

— Откуда он знает?

Федя поднял голову и хотел ответить. Вдруг он выпрямился, вскинул руку и помахал кому-то вдоль поезда. Андрей увидел только белую завесу над рельсами. Через несколько секунд в ней появился свет. Одна лампа, другая, третья. Люди в вагонах открывали заслонки

на дверях, чтобы передать сигнал дальше. Последняя лампа была маленькая, почти у самой земли. Она качнулась два раза.

— Хвост готов, — сказала рация голосом Костина. — В девятом четыре человека в проходе, держатся. Дальше чисто. Ты нас куда?

Андрей хотел ответить, что на несколько метров назад. Он глянул через боковое стекло. В кабине лампа освещала сиденье, рычаги и пустой крючок. За крючком, на запотевшем стекле, кто-то прочертил пальцем две вертикальные черты. Утром Коля рисовал там окна локомотива. Андрей сам вытер рисунок, когда стало хуже видно путь.

— Чуть назад, — сказал он наконец. — Потом снова встанем.

Он влез в кабину, дождался, пока Федя отойдёт от сцепки, и положил руку на рычаг. Вера сказала, что человек уже на тросе. Следом за её голосом Андрей услышал, как над рекой дважды ударил колокол. Первый удар был слабый, второй прошёл по рельсам так отчётливо, что отозвались стёкла. Он знал этот звук. Таким колоколом в депо отзывали людей с ремонтной канавы, прежде чем двинуть машину. У моста колокола быть не могло.

В третий раз звук не повторился. Андрей отпустил тормоз.

Сначала двинулся локомотив. В щели между ним и первым вагоном скрипнула сцепка. Андрей ждал, пока толчок передастся дальше. Увидеть хвост из кабины было невозможно. В ту минуту весь город доходил до него шумом через пол: толчок, пауза, ещё один толчок. Потом стрелка амперметра дрогнула. Трос выбрал слабину.

— Идёт, — сказала Вера. — Ещё.

Он дал колёсам повернуться. Снаружи что-то заскребло по ступеньке. Андрей высунулся из окна. Трос лежал на щеке насыпи и резал снег до самой земли. От него поднималась белая пыль. Федя стоял в стороне, как ему велели. В руке у него был фонарь, но он светил на рельсы у колёс.

— Стой! — крикнула Вера.

Андрей затормозил. Пока вагоны один за другим останавливались, трос успел натянуться ещё сильнее. Раздался удар, и по стеклу прошла струя воды. Он пригнулся. Трос остался на крюке. С насыпи сорвало кусок льда, и тот ударился о подножку.

— Голова слушает, — сказал Андрей в рацию.

Внизу возле воды кричали. Слов он не разобрал. Потом снова вышла Вера:

— Андрей, держи как есть. У него рука на настиле.

Он держал. Из кабины было видно, как Федя поднял фонарь над головой. Под ним на снегу лежала сброшенная рукавица. Федя наступил на неё и даже не заметил.

— Забрали, — выдохнула Вера наконец. — Можешь дать слабину?

— Снимите петлю с него. Я ослаблю, когда подниметесь от блока.

— Он уже без петли. Здесь второй.

— Какой второй?

— Егор ушёл вниз за ним. Я вижу сапог.

Андрей сжал трубку. Вера кого-то звала. Это была та же женщина, что лежала на животе у настила и кричала Павлу. Она стояла выше, откуда открывался вид на отмель. Андрей решил было, что женщина опять зовёт Павла, но услышал другое имя.

— Полина! — крикнула она.

Он мог дать составу пройти назад ещё. Под тормозным краном у него лежала бумажка с двумя телефонными номерами. Бумажка дрожала от работы машины. Андрей прижал её большим пальцем. Если трос был натянут через блок, его можно было опустить только подачей вперёд. Как раз туда, где одна нитка рельсов уже просела.

— Вера, человек за трос держится?

Пауза длилась, пока он успел задать тот же вопрос ещё раз.

— Егор держится за стойку. Он не достаёт до неё.

— Трос не трогать. Я подойду.

Он затянул тормоз локомотива и дал команду хвосту выставить башмаки. Оттуда сразу ответил сцепщик. Костин тоже был у него. Андрей услышал, как они коротко переговорили, и сказал, чтобы Костин пришёл в голову.

Ответа не последовало. Под досками пола работал компрессор. Андрей прислушался, дождался, когда он оборвётся, и позвал ещё раз.

— Иду, — отозвался Костин.

Андрей отцепил от связки маленький ключ и положил рядом с разбитым стаканом. Ему понадобилось бы пройти через котельную, чтобы добраться до второго вагона. Он мог послать туда Федю. Мог оставить Федю у пульта, хотя тот ни разу не вёл такой длинный состав. Или посадить Костина. До того как его выбрали начальником города, он восемь лет водил товарные, и Андрей не раз засыпал в его кабине на свободном сиденье. Последний раз это было ещё при свете в посёлках.

На площадке хлопнула дверь. Андрей обернулся. В кабину вошла девочка с тазом. Теперь она была в мокрых сапогах. Ремешки от них торчали наружу. Она поставила таз у двери, сняла рукавицы и спрятала их за пазуху.

— Ты как прошла через сцепку?

— Пекарь дверь держал. Он думал, я к вам.

Она наклонилась к тазу и вынула два куска хлеба, завёрнутые в полотенце.

— Один мне передали. Второй просили оставить человеку, которого вы тащите.

— Кто просил?

— Мальчик из седьмого.

Андрей протянул руку. Девочка отдала ему оба куска сразу и села на корточки у тёплой стенки. На подоле у неё прихватило льдом мокрую ткань. Он взял полотенце и осторожно обломал лёд.

— А брату ты взяла?

— Он теперь ничего не хочет.

— Как тебя зовут?

— Зина.

Андрей передал ей свой кусок и велел оставаться на месте, пока не придёт Костин. Зина кивнула. Он уже взялся за дверь, когда она тихо добавила:

— Это папин хлеб. Пекарь сказал, что ему оставлять больше не будет. Папа давно не расписывается.

Андрей повернулся. Он вспомнил, как отец Зины выступал на сходке. У него был тяжёлый голос. Он когда-то сломал челюсть и теперь, пока говорил, придерживал её пальцами. Тот разговор был о том, кто будет платить за тепло, если девятый отцепят и оставят на запасном пути. Отец Зины спросил, кто вообще придумал его оставлять. В протоколе записали, что девятый отцеплять никто не предлагал.

— Где он теперь?

Девочка посмотрела на хлеб у себя в руках.

— Ушёл к брату в постель. Сказал, что тоже полежит немного. Когда я пошла за тазом, он спал.

Она говорила совершенно спокойно. Андрей попробовал вспомнить, который день подряд проходил через третий, огибая очередь за хлебом. Пекарь выставлял на стол хлеб и список. Напротив каждого имени жильцы ставили черту или крест. Пустые клетки обходились проще всего: за них на кухне никто не спорил.

Костин вошёл без пальто. Повязку с руки он потерял. Следом заглянул Федя, увидел девочку и остался снаружи.

— Ты знаешь Лёню из девятого? — спросил Андрей.

— Знаю.

— Посмотри, кто расписывался за него последние дни. Когда вернусь, скажешь. Сейчас возьми пульт. Тягу не давай без меня. Если насыпь пойдёт под колёсами, выводи состав назад. Сразу.

Костин прошёл к стеклу и посмотрел на трос.

— А ты там будешь?

— Да.

Андрей увидел, что тот хочет переспросить. Вместо этого Костин полез в карман брюк, достал свои часы и положил на пульт. Потом повернул их циферблатом к Андрею. Было два часа двадцать три минуты. Часы над сиденьем показывали то же самое.

— Хвост поставил два башмака. Я сказал не трогать, пока не позову. Ты мне скажи, куда уходить, если всё поедет.

Андрей нашёл карандаш и нарисовал на обороте накладной поворот и чёрную нитку троса.

— Ниже опоры проход вдоль воды. Если трос оборвётся, я поднимусь дальше по берегу. Дай один длинный гудок, прежде чем возьмёшь тягу. Федю пришли с талью. Ключ на столе.

Костин подвинул ключ к краю. Зина наблюдала за ними с пола. Она уже откусила хлеб, но держала его так, будто ещё решала, кому он принадлежит.

Андрей спустился с площадки. Там снег пошёл крупнее. Прожектор остался за спиной, и он шёл по краю его света, пока не вышел к повороту. На месте обрыва провода горел фонарь, который он оставил мальчику. Фонарь лежал стеклом вниз и просвечивал снег. Андрей поднял его. Рядом стояла жестяная кружка. В ней было немного воды. От воды шёл пар.

— Коля?

Никто не ответил. Андрей задержался ровно настолько, чтобы поднять кружку с тропы и поставить её к проводу. Потом спустился.

Под опорой стало светлее. Кто-то вынес из будки вторую лампу, большую, с жестяным отражателем. В её свете он увидел Веру. Она стояла в воде по колено, держась за скобу, на которой ещё недавно лежала верёвка. Возле неё Егор валился набок, силясь подтянуть под себя ногу. Скоба была выше его плеча. Андрей сошёл с последней ступеньки на настил, пополз к краю и подал Егору руку.

— Там пусто, — сказал Егор.

— Вылезай.

— Я держал её за сапог. Сапог у меня в руке.

Андрей увидел, что Егор и правда стискивает что-то чёрное. Он взял его за ворот обеими руками. Вера упёрлась ногой в нижнюю стойку и толкнула Егора снизу. Втроём они кое-как забрались на настил. Вера села рядом, вытащила ноги из воды и потянулась за медицинской сумкой. Между ними остался детский сапог. Из голенища натекла лужица.

— Где Павел?

Вера кивнула на будку.

— Дышит. Я велела положить его рядом с печкой. У женщины спросишь про Полину. Она сейчас в будке. Там тесно, Андрей.

Он помог Вере встать. Пока она поправляла сумку, он поднял сапог и вытряхнул воду. На внутренней стороне заклёпками был прихвачен ремешок. На одном конце заклёпка вылетела. У ступеньки в локомотиве такой же ремешок цеплялся за край тазика. Андрей тогда мог нагнуться и рассмотреть, но спешил открыть дверь.

Со стороны города донёсся длинный гудок.

Андрей сунул сапог за пазуху и схватил Веру за локоть.

— Это наши? — спросила Вера.

Андрей кивнул. В шуме реки гудок было слышно до самого конца. Потом осталось только шуршание льда. Он подождал, пока натянется трос. Трос лежал у настила и слабо подрагивал.

— Костин, ответь.

Рация ожила сразу. Костин говорил кому-то, чтобы тот отошёл от двери. Андрею он ответил после паузы:

— У меня первая ось пошла вниз. Я оттяну состав к прямой. По твоей карте там должен быть выход с берега.

— Где Зина?

— В кабине. Спит у печки. Я взял её таз, он полз под педаль.

Андрей очень ясно представил себе жестяной таз, который медленно едет по полу. В Костине ему всегда нравилось, что тот подбирал такие мелочи даже на ходу. Когда они работали вдвоём, Андрей мог неделями не видеть, как Костин ест. Зато всегда знал, куда тот положил отвёртку, чтобы она не упала под ногу.

— Уходи, — сказал он. — До выхода мы дойдём.

Вера подняла голову. Видно было, что ей хочется спросить, где выход и кто ходил по этой тропе зимой. Она застегнула сумку и пошла к будке. Андрей проводил её до двери. Дёрнул за ручку. Дверь открылась на палец и упёрлась во что-то тяжёлое.

— Сейчас, — отозвалась женщина изнутри.

Раздалось шарканье. Дверь подалась. Вера пригнулась и скользнула в щель. Андрей протиснулся следом.

В будке стояли две койки, стол и железная печка на кирпичах. Молодого путейца положили на нижнюю койку. Штанину ему разрезали, ногу привязали к обструганной доске. Павел лежал на полу возле печи. Женщина подложила ему под голову своё пальто. От рукавов шёл пар.

— Есть кто-нибудь ещё? — спросил Андрей.

Женщина помотала головой.

— Мальчик где?

Она оглянулась на коридорчик у двери, словно он мог стоять там.

— Он за вами пошёл. Тут сразу стало темно, я думала, у вас фонарь.

Андрей поставил фонарь на стол. Рядом на гвозде висела ведомость обходов. Бумага пожелтела у печи, нижний край завернулся. Последний обход отметили в воскресенье. В воскресенье город стоял у Гали на перегоне, и Андрей, подпирая плечом дверь, вытряхивал уголь из порванного мешка. Он мог бы назвать число. На ведомости у этого воскресенья стояло другое.

— Как вас зовут? — спросил он женщину.

— Лида.

— Лида, мне нужно понять, кто такая Полина.

Она присела на край койки и взяла молодого за руку. Тот пошевелил пальцами и тут же снова замер.

— Я её дочь в воду уронила, — сказала Лида.

Андрей ждал продолжения. Она разжала пальцы, поправила у молодого ремень на шине и снова взяла его за руку.

— Полина держалась за меня. Дочка её. Я успела схватить одну. Вторая мне на спину полезла, обе и ушли. Поднялся только Павел. Мы стояли тут, когда ваша машина пошла через мост.

— Ты его видела? Голову состава?

— Я в ней ехала, — ответила Лида. — В третьем вагоне. Мы с Павлом открыли дверь, когда накренило. Он выбросил меня на откос. Я до сих пор не знаю, как сам вылез.

Вера сидела на полу у печки и держала Павла за запястье. Она подняла взгляд на Андрея. Ни один из них прежде не видел Лиду в городе. Андрей хотел спросить, кто у неё принимал карточку на хлеб. В будке было слышно, как Павел пытается втянуть воздух, а слова про карточку уже казались такими, какие люди говорят над пустой кроватью, чтобы не произносить вслух имя.

— Вера, кого можно нести?

— Обоих. Павла в пальто, если Лида отдаст. Ногу придётся держать двоим.

Лида встала и отступила от койки.

— Пальто берите. Я пойду за девочкой.

— Река уже унесла лёд за опору, — сказал Андрей.

— Я знаю. За опорой отмель. Если она там, то сама не поднимется.

Она говорила, уже заправляя за пояс подол юбки. Андрей полез за пазуху и достал сапог. При свете печки стало видно, что носок когда-то зашили светлой дратвой. Лида протянула руки, будто ожидала, что сапог горячий. Взяла и провела пальцем по ремешку.

— У Полиныной дочки были валенки, — сказала она.

— Значит, чей?

Лида наклонила голенище к лампе. Внутри, под краем, что-то было написано. Почти всё смыло. Андрей разглядел букву «З» и две короткие черты. Лида отдала ему сапог.

— Я всё равно пойду.

Вера поднялась. Её мокрые штаны застучали о голени.

— Егор может проводить Лиду, если на ногах держится. Она берёт фонарь и остаётся в пределах нашего света. Скажи ей это, Андрей.

— У тебя пальцы гнутся?

Вера подняла правую руку и попробовала согнуть. Большой палец пошёл сразу. Указательный и средний вздрогнули и остановились. Она сунула руку себе под мышку.

— Левую пока чувствую.

Снаружи хлопнул трос. Будку качнуло. С гвоздя упала ведомость. Андрей толкнул дверь плечом и увидел Егора на настиле. Фонарь тот оставил у опоры, а сам прижался к перилам и смотрел вверх. Снег полз по тропе широкой лентой. Среди белого двигались комья земли. Один перелетел через нижние ступени и разбился о ферму. Там, где Андрей спускался, теперь не осталось ни одной ступеньки.

Он схватил Егора за пояс и втянул в будку.

— По берегу пройти можно?

— Пока вода низкая. Если вынести их сейчас.

— В какой стороне?

Егор пошевелил губами. На подбородке у него была кровь. Андрей повторил вопрос и увидел, как путеец с трудом повернул голову. Он показывал за стену, в сторону, куда уходил состав.

— Тогда иди первым, — сказал Андрей. — Найди место, где можно поднять людей на насыпь. Фонарь держи низко. Мы пойдём на свет.

— Я ещё могу таскать.

— Мне нужно, чтобы ты нашёл дорогу.

Егор кивнул. На пороге он остановился, поправил шарф, которого на нём уже не было, и вышел. Андрей подождал, пока за матовым окошком покажется его свет. Лида стояла с другой стороны двери. Она смотрела, как огонёк спускается от будки к воде.

— Дайте мне до угла дойти, — сказала она. — Если увижу лёд, сразу вернусь.

Андрей посмотрел на Веру. Та уже разложила пальто на полу рядом с Павлом. Без Лиды они могли поднять его вдвоём, но молодой путеец остался бы у печи, пока кто-нибудь не вернётся. А вернуться пришлось бы тем же берегом, который с каждой минутой становился уже.

— Дойдёшь, — сказал он. — После того как вынесем обоих. Егор покажет, откуда лучше смотреть.

Лида ничего не ответила. Повернулась, нагнулась и взялась за рукав пальто. Они подкатили Павла на ткань. Когда его повели к двери, он внезапно раскрыл глаза и с силой ухватил Андрея за руку.

— Костин, — сказал он.

— Я Андрей. Костин на поезде.

— Костин, я её держал.

Андрей перестал поднимать. Вера опустила угол пальто, и на секунду они все замерли. Снаружи слышалось, как Егор стучит чем-то о камень. Раз, два, три. Он нашёл дорогу и боялся, что его фонарь потеряют в снегу.

— Кого держал? — спросил Андрей.

Павел шевельнул губами. Изо рта у него вышло немного воды. Вера повернула его голову набок.

В рации, прижатой к груди Андрея, голос Костина сообщил, что город встал на прямой. Следом заговорил кто-то совсем близко к микрофону. Федя спросил, не спускалась ли к мосту девочка в мокрых сапогах. В кабине, сказал он, остался один таз.

Лида посмотрела на Андрея. Тот вытащил рацию и спросил, кто последним видел Зину.

— Я, — ответил Костин. — Когда дал гудок, она ещё была здесь.

Андрей убрал рацию, взялся за ворот пальто обеими руками и поднял. Из-под шерсти потекла вода. Лида взяла второй край, и они понесли Павла туда, где стучал Егор.

Стучал он ключом по нижней перекладине. За ним от берега поднимался бугор, на котором росла старая ива. Под ивой снег был светлее. Егор просунул руку под ветки и вытащил верёвку, которой зимой привязывали лодку. Лодки Андрей не увидел. Видел только конец верёвки в руке Егора и пятна тёмной воды на рукаве.

— Здесь вверх, — сказал Егор. — Над корнями есть полка. Потом держитесь берёзы.

Лида подняла свой конец пальто и перехватила его ближе к плечам Павла. Ступали они боком. Когда Андрей ставил ногу, кровь возвращалась в придавленные пальцы, и он чувствовал каждую нитку в рукавице. Голая рука онемела совсем. На середине подъёма он остановился, чтобы поменять руки. Лида приняла вес на себя, отступила на полшага и села в снег.

— Садись тоже, — сказала она. — Так легче держать.

Они подождали. Павел дышал редко. Из-за воротника пальто торчал обрывок шнурка с плоским ключом. Лида заправила шнурок ему за пазуху. Андрей увидел, что ключ железнодорожный, от дверной защёлки. Такие он раздавал жильцам, когда меняли замки в третьем.

— От вашей двери? — спросил он.

— От кладовой. Он хотел её запереть, когда все побежали к выходу. Там мука осталась.

Она заговорила, пока они снова поднимались. В городе, из которого они с Павлом приехали, муку последние три недели взвешивали раз в день. Кладовщик боялся мышей и держал мешки на полке, под потолком, а к весам спускал понемногу. Вчера вечером Павел сам стоял у весов. Лида видела, как он вынул из кармана ключ, когда за стеной начали кричать. Потом всё, что лежало на полке, разом посыпалось вниз. Один мешок лопнул. В свете керосинки несколько мгновений ничего, кроме муки, видно не было. Уже на берегу Лиде пришлось оттирать её Павлу со щёк.

— Ты сказала «вчера».

— Я после этого ни разу не спала, — ответила она.

Над ними вспыхнул белый свет. Егор убрал руку с верёвки, прищурился и крикнул, чтобы светили под ноги. Свет опустился. На гребне, возле берёзы, стоял Федя. Он снял с плеча таль, уложил её на землю и перегнулся через край. Вдвоём с Егором они подтянули Павла наверх. Пришлось отпустить пальто у самого корня. Андрей вгляделся вниз и увидел, как Лида в снегу

отыскивает упавшую с мехового воротника пуговицу. Мимо неё текла вода, уже на ладонь выше сапог.

— Лида, сюда, — позвал он.

Она перестала искать. Поднялась, обеими руками взялась за верёвку и пошла вверх. На полпути она оглянулась и сказала:

— Если кто-нибудь оттуда выйдет, вы увидите?

Андрей передал ей второй фонарь. Она поставила его на развилку ивы, чтобы светило с верхнего края на тропу. Потом взялась за верёвку снова.

Павла подняли на ручную дрезину. Её пригнали двое из ремонтной бригады. У переднего рычаг был обмотан шарфом, у заднего на шапке торчала отогнутая кокарда. Андрей узнал обоих даже в снегу. Это были братья Ершовы, Саша и Миша. Саша смотрел, как Андрей перевязывает пальто, и разминал губами окурок.

— Костин сказал, наводнение, — сказал он.

— Просела насыпь. На мост нельзя.

— До посёлка тоже нельзя?

— Через мост нельзя.

Миша толкнул дрезину вперёд. Она качнулась. Саша выплюнул окурок и побежал рядом с ней, придерживая полоз, пока брат садился за рычаг. Ни один из них больше не спросил про посёлок. Андрей знал почему. У Ершовых там была мать. От неё зимой пришли две открытки с одним и тем же видом водокачки, а в прошлом месяце пришёл пустой конверт. Они решили, что она забыла вложить письмо. В кабине у Андрея до сих пор лежала открытка, которую Миша попросил сравнить с прежней: хотел разобрать, одной ли рукой надписали обратный адрес.

Вера поднялась минут через десять. Федя уже успел спустить таль к будке и вытащить молодого путейца на доске. Тот ругался при каждом рывке, а между рывками спрашивал, взяли ли его сапог. Вера несла сапог под мышкой. Услышав вопрос, она отвечала каждый раз, что взяли.

— Серёжа, — сказал он Андрею, когда его уложили на рельсовую тележку и передали Феде. — Если будут спрашивать, я с девятого поста.

— Девятый пост здесь?

— Здесь шестой. Я шёл к шестому. Да так и не дошёл, получается.

Вера положила сапог ему под голову. Андрей увидел, что она работала уже без рукавиц. На запястье у неё повисла алая нитка. Он хотел спросить, порезалась ли она, и узнал нитку от бинта, которым подвязывали ногу. Снял свою рукавицу и натянул ей на правую руку. На большом пальце стянулись швы. Вера ничего не сказала, только положила ладонь ему на запястье. Так они простояли, пока Федя отвязывал тележку от берёзы.

Лида всё ещё смотрела на свет под ивой.

— Я останусь, — сказала она.

— На берегу до утра не выстоишь. Пальто уехало с Павлом.

— Предлагали носилки. Я сама отдала.

Андрей посмотрел по полотну. За поворотом светился прожектор, ровным белым пятном. До состава шли бы минут двадцать. Отправить кого-то назад с одеялом можно было, если найдётся человек, физически способный ходить туда и обратно, и если берег за это время не оторвёт. Он мог пообещать ей такое одеяло. Очень хотелось пообещать хоть что-нибудь, чтобы она пошла с ним сама.

— Ты умеешь обращаться с рацией? — спросил он.

— Если покажешь.

Он отвёл её за берёзу. Там не так дуло. Показал кнопку и дал сказать несколько слов. Костин ответил. Лида спросила, довезли ли Павла. Костин сказал, что его уложили у печки. Тогда Лида сняла рацию с плеча, вернула Андрею и пошла по шпалам за Федей. Через

несколько шагов она оглянулась на иву. Фонарь, который она там оставила, двигался. Андрей подумал, что ветка распрямилась под ветром. Свет поднялся над самым корнем и качнулся три раза. Потом погас.

— Ты видел? — спросила Лида.

— Видел.

Она стояла на шпале и ждала. Андрей тоже ждал. Если бы вслед за светом раздался крик, он полез бы вниз, как был, голыми руками. Он даже выбрал место, где под снегом должен был оказаться корень. Никто не крикнул. Федя вдалеке окликнул их: у тележки заедало колесо.

Егор был последним на насыпи. Он взял у Лиды свободный конец верёвки и закрепил его за берёзой.

— Утром, если ещё будет куда спускаться, — сказал он. — Я с вами пойду. Сейчас первым делом к печке.

Лида отвернулась от берега и пошла. Андрей не сумел разглядеть её лицо. На шпалах она переставляла ноги ровно, раз за разом. Вера держалась рядом.

Чуть дальше по пути из снега торчал чугунный столбик с облупившейся шестёркой. Егор тронул его пальцами и отдёрнул руку. Андрей заметил на той стороне, где должны были быть болты, светлый след от недавно снятой таблички.

— Что здесь раньше было написано?

— Шестой пост. Табличку унесли, когда мост закрывали.

— Кто закрыл?

Егор прислушался. Из-за поворота сквозь снег проступили окна вагонов. В двух первых горел свет, дальше стояла темнота.

— Я, — ответил он. — И красный выставил. Мне ещё потом сказали, что красного никто не видел.

У локомотива их ждали только Саша Ершов и пекарь. Пекарь держал фонарь, Саша упирался лопатой в смерзшийся снег на ступеньках. Федя протолкал тележку к одному из боковых входов, открыл дверь и позвал на помощь. Из вагона никто не ответил. Саша бросил лопату.

Андрей поднялся в кабину. Костин стоял у бокового окна, держал прижатой к стеклу сложенную тряпку. Стекло лопнуло у рамы. Холод тянул в трещину и шевелил ведомости на полке.

— Где твой сцепщик? — спросил Андрей.

— В восьмом.

— А девятый?

Костин убрал тряпку. В просвет между вагонами Андрей увидел, что хвостовой фонарь висит гораздо ближе, чем должен. Кто-то перевесил его на восьмой.

— Поднимай людей, — сказал Костин. — Пойдём туда вдвоём.

На пульте лежал листок. Наверху чужим почерком написали «Отцеплён». Ниже поставили время и фамилию дежурного. Андрей прочитал фамилию дважды. Это была его фамилия.

Он перевернул листок. На обороте отпечатался жирный след ладони. От большого пальца до указательного шла чистая полоска, словно человек держал в руке карандаш, пока бумага лежала под ним.

— Зина за этим листком вышла? — спросил он.

— Зина вышла, пока я смотрел на путь. А это принёс человек из восьмого. Сказал, кто-то нашёл в служебном кармане у двери.

Андрей сунул листок за пояс. Вера через площадку уже перебралась к раненым. Федя стоял ниже её, на снегу, и поддерживал тележку, чтобы у Серёжи нога не шла вниз. Все трое ждали, когда откроют дверь пошире.

Костин снял свои часы с пульта и посмотрел на них.

— Мы отходили тридцать восемь метров. Я считал по столбикам. Если девятый отцепили при нас, он остался прямо там, где был.

Андрей посмотрел в сторону моста. Там свет не горел.

— Башмаки кто ставил? — спросил Андрей.

— Степан. Тот и другой.

— Под какой вагон?

Костин поднял глаза. Ему пришлось подумать.

— Под девятый, если я правильно услышал. По рации он сказал «у себя». Я велел убрать башмаки перед отходом. Он ответил, что путь свободен.

Они взяли две лампы и вышли через первый вагон. В котельной дежурный сидел на полу перед открытым щитом. Вынутые предохранители он складывал у себя на колене, в ряд, от целого к перегоревшим. Увидев Андрея, он протянул ему кусок провода с оплавленным концом.

— Обратка пуста. Пар до восьмого доходит. Дальше куда ему идти?

Андрей остановился. Стало понятно, почему жилые вагоны погасли разом: дежурный отключил освещение, пока искал место повреждения.

— Сделай свет хотя бы в проходах, — сказал он. — В восьмом закрой паровой кран на хвостовой площадке.

— Уже закрыл Степан.

Костин шёл впереди и, кажется, не услышал. Андрей догнал его возле печи. На скамье ещё стоял след от дна таза, мокрый круг. Девочка, значит, просидела здесь достаточно, чтобы сапоги оттаяли.

В третьем они застали пекаря. Тот вернулся с улицы и засунул голову под прилавок, разыскивая нож. За перегородкой стояли люди. Один прижимал к груди пустую хлебную сумку, второй держал её за нижний угол. Они спорили, кому вести список: дочка пекаря ушла домой, и за неё расписывался случайный человек. Костин прошёл через очередь, по дороге поправил лампу, которой кто-то толкнул дверь, и сказал, чтобы каждый отступил на одну половицу. Задние отступили. Передние остались на месте.

— В девятом живые люди, — сказал Андрей. — Нам нужна дорога.

Человек с сумкой выпустил ручки. Сумка осталась у второго. Тот отодвинулся так быстро, что задел локтем миску с закваской. Пекарь подхватил её обеими руками. На секунду все посмотрели на миску, потом Андрей с Костиным прошли.

Степан ждал на задней площадке восьмого. Он был без шапки. Из-под повязки на виске выбилась прядь волос. В снег он успел выкинуть обрывок шланга, теперь смотрел, как по нему стекает вода.

— Степан, — сказал Костин. — Где вагон?

— Тут, за поворотом.

— Ты его отцепил?

Степан поднял ладонь. Пальцы у него были в машинном масле, кроме одного, забинтованного. Он потёр ладонь о дверцу.

— Я опустил рычаг. Там был башмак. Пока я поднимал, заднее колесо девятого поползло наружу. Зачем тащить его вместе со всеми?

— Кто тебе отдал приказ?

Степан посмотрел на Андрея.

— По рации сказали «оставить». Голос твой.

Андрей вынул листок и подал ему. Степан посмотрел на время.

— На бумаге я ничего не писал.

— Как ты перешёл сюда?

— Миша меня поймал. Я на плите поскользнулся. Шланг тогда и лопнул. Вам разве не передали?

Костин взял лампу повыше. Под снегом за площадкой проступала царапина от гребня колеса. Она шла по головке рельса наискось, а потом пропадала у стыка. Андрей спустился на путь. Контур девятого появился сразу. Вагон стоял поперёк полотна всего в нескольких метрах от восьмого, там, где поезд до отхода упирался хвостом в начало кривой. Из головной части состава его заслоняли снег и изгиб пути. Говоря про тридцать восемь метров, Костин почему-то решил, что оба вагона отошли от одной и той же точки. Андрей сам сделал бы ту же ошибку, пока не увидел царапину.

— Фонарь зачем перенёс? — крикнул он Степану.

— По правилам у состава должен быть хвост. Я хотел вернуться с другим.

Андрей шагнул к вагону. Нижняя ступенька ушла в снег. Верхняя торчала, как перевёрнутая полка. Дверь открывалась наружу. Её зажало на откосе, но над дверью, у окна, показалась рука.

— Это вы? — спросил молодой голос.

— Мы. Сколько вас?

— Тут шесть. В дальнем конце ещё. Там Лёня и старик.

— Зина с вами?

— Зина утром к печке ушла.

Андрей поднял лампу. В проёме блеснул глаз. Жилец не смотрел на него, а щурился от света. Андрей опустил лампу.

— Выходить будете через окно. Отойдите, я уберу раму.

— А тепло снова дадут?

— В другом вагоне. В этом трубы оборваны.

Рука исчезла. Через секунду показались обе. Молодой человек взялся за раму изнутри и выдавил её плечом. Андрей поймал раму за перекладину и передал Степану, который уже спустился следом. Первой вылезла женщина в мужской куртке. Андрею показалось, что она держит в руках ребёнка. Под лампой оказалось, что она выносит узел с двумя тарелками. Женщина поставила узел на снег, вернулась, нащупала край окна и сказала кому-то внутри:

— Руку давай. Через меня удобнее.

Костин помогал спускаться со ступеньки, а Степан ходил от вагона к вагону с людьми, которые плохо видели. Когда из окна передали мальчика, Андрей узнал одежду раньше лица. На одном рукаве торчала длинная нитка. Мальчик коснулся ею губ, пока Андрей ставил его на землю.

— Брат Зины? — спросил Андрей.

Тот кивнул.

— Кто с тобой на койке лежал?

— Папа. Он утром ушёл искать её.

Губы мальчика были сухие. Андрей отдал его Степану и спросил, где лежит старик.

— За шкафом, — сказал мальчик. — Он дверь подпирал, пока шкаф стоял. Потом я ему сказал, что можно лечь.

Андрей влез в окно. Внутри пахло сырой шерстью и лекарством, которое давали от кашля. Пол шёл под уклон. Он цеплялся за выступающие полки, пока не дошёл до шкафа. Тот стоял на боку. Половину вещей успели вытащить и затолкать обратно в щель, чтобы шкаф больше не катался. За ним горела маленькая свеча. Её поставили на блюдце. На воске плавал подгоревший кончик спички.

Старик лежал на спине, прикрывшись пальто до подбородка. Под правым локтем у него была раскрытая книжка. Андрей много раз видел эту книжку на столе у окна. Старик читал из

неё вслух по вечерам, когда в девятом отключали свет. Иногда люди просили читать подольше, потому что в темноте было слышно, как за стеной кашляют.

— Семён Ильич, — сказал Андрей.

Старик не открыл глаз. Андрей убрал книжку. Та раскрылась на другом месте, и из неё выпала игла, продетая сквозь лоскут. Нитка была уже завязана узлом. Кто-то оставил всё готовым, чтобы утром зашить рукав.

Андрей взял старика за запястье. Долго держал, хотя рука была холодна и тяжелела в пальцах. Потом подтянул пальто, так что из-под края снова выглянул ворот рубахи, и вышел из-за шкафа.

— Нашли? — спросили у окна.

— Нашёл. Дайте одеяло.

Подали пёстрое одеяло из тех, что раньше висели в проходе вместо занавесок. Андрей бережно завернул Семёна Ильича. Пока тащил через проход, узнал, что от окна до постели было всего семь шагов. В темноте ему казалось больше. У окна они с Костиным взяли старика с двух сторон и положили на снятую раму.

На площадке восьмого опять появился свет. Дежурный восстановил лампы в проходах. Люди из девятого собрались под окном, где было светло, и пересчитывали свои узлы. Кто-то спрашивал, вынесли ли чайник. Кто-то сказал, что чайник ещё у старика. Андрей хотел отозваться, но увидел, что обращаются дальше, к человеку в тамбуре.

Степан принёс из восьмого ещё одно одеяло. Он стоял рядом и ждал, пока Андрей укажет, кому его отдать. Андрей показал на мальчика. Степан отнёс одеяло, вернулся и тихо спросил:

— Его когда?

— Не знаю. До нас.

— Я ночью заходил. Он свет не попросил, только чтобы я дверь прикрыл. Я прикрыл.

Костин опустился рядом с оконной рамой. Он не знал, куда поставить лампу, и наконец положил себе между колен. Когда из восьмого позвали внести ребёнка, он поднялся и отдал лампу Андрею.

— Сюда ещё придётся вернуться, — сказал он. — Все спрашивают про вещи.

— Сначала перепиши людей. Кто откуда, кого не видели.

— В кухне уже переписывают. Там хотят выдавать хлеб только тем, кто в их списке.

Из восьмого снова позвали. Издалека это был просто крик, вроде тех, что летели всю ночь вдоль состава. Потом Андрей услышал своё имя и различил голос Зины.

Она стояла в дверях с поднятым воротником. В руке держала тапок. Второй был на ноге. Её заметили, только когда она вышла на площадку и попросила пропустить брата.

— Папа тебя искал, — сказал Андрей.

— Я знаю. Я его и пошла искать.

— Ты из кабины когда вышла?

— Когда гудели. Через дверь назад. Я думала, вы все туда идёте.

Она протянула ему тапок. Андрей взял и машинально посмотрел на разошедшийся край. Сапог, который он принёс от моста, был всё ещё у него за пазухой. Сейчас он мог достать его, дать ей примерить и спросить про ремешок. Зина уже увидела брата. Андрей опустился на колено, посадил её себе на руку и поднёс к высокому порогу. Она взобралась в вагон, придерживая его за плечо.

От заднего поворота показался свет. Фонарь качался в такт шагам. Степан окликнул человека, но тот продолжал идти и ответил только тогда, когда ступил на освещённый снег. Это был Егор. У него была та же кровь на подбородке, и шарфа на нём по-прежнему не было. Он разжал пальцы. На ладони лежал ключ от вагонной двери, плоский, на оборванном шнурке.

— У ивы нашёл, — сказал он. — А фонаря там больше нет.

Андрей взял ключ, и тот был тёплый. За открытой дверью из глубины восьмого донёсся голос Лиды. Она просила пропустить её к Павлу, потому что у того под пальто остался ключ. Егор слышал её вместе с Андреем. Он медленно сжал пустую ладонь, а потом взялся за раму у ног Семёна Ильича.

— Куда его несём? — спросил он.

Андрей глянул на светлую дверь. Зина оттуда уже ушла. За порогом складывали чужие узлы вдоль стены, освобождая проход.

— В тепло, — сказал он. — До утра в тепло.

До утра Семёна Ильича положили в грузовом отделении восьмого. Там хранили свёрнутые матрасы. Женщина, которая вынесла из девятого тарелки, принесла одну обратно, поставила на ящик и зажгла над ней свечу. Андрей узнал блюдце по синей кайме. Вторую тарелку она оставила у мальчика, чтобы было куда положить хлеб.

— Он мне вчера читал, — сказала женщина. — Я на соседней койке сидела. У меня лампа была, я ему поднесла, а он сказал, что сам видит.

Она подняла у старика край одеяла и разгладила угол. Андрей ждал, не попросит ли она побыть с ней. Женщина распрямилась и ушла. Через стенку он услышал, как она сказала позвать кого-нибудь с тёплой водой. У брата Зины опять поднялась горячка.

В котельной Вера уже сидела у щита. На её коленях стояла кружка. Дежурный держал лампу, а она поворачивала правую руку над кружкой, стараясь разглядеть пальцы. Рукавицу она положила на трубу сохнуть.

— Кто из девятого кашляет? — спросил Андрей.

— Почти все. У брата Зины жар выше, чем вчера. Павел пока дышит сам. Ещё трое сказали, что у них болит голова. В девятом печка дымила?

Андрей вспомнил сладкий запах за шкафом. Он подумал тогда о лекарстве. Теперь вспомнил, что на стенке у койки старика была чернота как раз там, где из потолка спускалась труба.

— Проверю, — сказал он.

— Пусть проверит кто-нибудь другой. Ты на снегу говорил с мальчиком. Я его видела только один раз, со спины. Ты видел его лицо?

— Видел.

— Сможешь отличить от Коли из седьмого?

Андрей присел перед ней. У него до сих пор был в кармане рисунок. Он вынул лист и расправил на колене. От сгиба к прорванному месту прошла трещина. Андрей приложил к ней палец, чтобы бумага не развалилась.

— В темноте у моста нет, — сказал он.

Вера взяла рисунок левой рукой.

— Хорошо. Я хотела знать, что сказать, если спросят.

— Кто спросит?

— Коля. Он ждёт тебя в кухне.

Дежурный поставил лампу на пол. Дверь держалась открытой на задвижке. Над головой Андрея по потолочной трубе прошёл тихий стук, потом второй, уже ближе к дальнему концу вагона.

— Тепло дали? — спросил он.

— Пока на пятый, шестой и седьмой. В восьмом кран открыли вполоборота. До завтра можно везде держать, если не трогать тягу. Потом останется четыре ведра.

— Угля было два мешка.

— Один сырой целиком. Там к утру хоть ведро выжмем, если высыпать у печки и переворачивать.

Дежурный говорил ровно, словно двое детей озябли в соседнем доме и до них можно было добежать, захватив одеяло. Андрей спросил, сколько времени займёт протопить восьмой, если собрать там всех больных.

— Час. А потом что?

Андрей прикрыл дверь, чтобы из коридора не дуло Вере на руки.

— Потом решим, где брать топливо. Дай пар в восьмой. Через час я приду отсюда его перекрывать, если попросишь.

Вера попробовала подняться, оперевшись о ящик. Кружка накренилась. Андрей подхватил её и придержал Веру под локоть. Она удержалась и поставила кружку обратно на ящик.

— Мне туда же, — сказала она. — Только за сухими штанами зайду.

В третьем Коля стоял у прилавка. На левой руке у него была рукавица. Он держал ладонь раскрытой, на ней лежало что-то маленькое и белое. Когда Андрей подошёл, мальчик показал ему кусок хлебного мякиша.

— Мне дали. А вы сказали, что придёте.

Андрей сел рядом на выступ трубы. Коля подвинулся и тоже сел. За перегородкой пекарь просил кого-нибудь принести новый таз, потому что закваску сорвали с прилавка и она ушла на пол. Никто не пошёл за тазом. Люди стояли по обе стороны двери и глядели, как он пробует поднять миску.

— Ты окно открывал? — спросил Андрей.

— Нет. Я слушал, когда гудели. А потом мы с Зиной хлеб искали.

Мальчик поднял руку. Внизу у большого пальца, где должна была быть пуговица, торчал обрезанный кусок нитки.

— Когда оторвалась?

— Я ножом срезал. Там ребята спросили, кто мне дал. Я сказал, вы. Они сказали, я украл.

— И что потом?

Коля показал на хлеб. Мякиш распался на две части, пока он говорил.

— Я хотел дать Зине, — сказал он. — Она на меня рассердилась.

Из кухни вышел человек, который держал чужую сумку. Андрей помнил, как тот отступил перед Костиным. Теперь сумка была заправлена под ремень, а руки он держал вдоль тела. Позади него шёл молодой парень в фартуке. Они встали возле прилавка. Парень снял фартук, сложил пополам и накрыл им две целые буханки.

— Их надо оставить на смену, — сказал он. — Кто поедет, тот получит по дороге.

Сначала никто не заговорил. Потом у Андрея над ухом спросили:

— А кто поедет?

Парень посмотрел на человека с сумкой.

— Смена, — повторил он.

Андрей поднялся. Коля остался на трубе. Пекарь под перегородкой поставил миску на пол и вытер руки.

— Я испёк одиннадцать, — сказал он. — Шесть целых, пять разломало. Четыре вы уже разобрали. Зачем накрывать эти две?

Человек с сумкой взял одну буханку через фартук. Пекарь ухватил его за локоть. Он дёрнулся и ударил пекаря лбом в нос. Оба повалились к стене. Прилавок сдвинулся. Кто-то наступил Андрею на ногу и вцепился ему в спину. Андрей извернулся, поднял обе руки, чтобы освободиться, и на секунду увидел Колю. Мальчик забрался на трубу с ногами. Он пытался перешагнуть через пекаря, но хлеб всё ещё держал в кулаке.

Андрей подтянул его к себе за пояс. Мимо пролетел жестяной ковш и ударился о стену. В дверь протиснулся Саша Ершов. Он сперва положил на пол открытые ладони, чтобы люди видели, что у него ничего нет, потом плечом отжал человека с сумкой от пекаря. Буханка упала.

Нога в валенке наступила на неё у самого ребра. Тот, кто наступил, поднял было ногу, глянул вниз и прижал хлеб сильнее.

— Отойди, — сказал ему Саша.

Человек посмотрел на Сашу. Он был вдвое старше и вез в городе двух внучек. Андрей видел, как он учил их точить коньки на полозе под сиденьем.

— Я за них с трёх ночи стою, — сказал человек и снял ногу.

Пекарь поднял хлеб. Подошва выдавила в мягком боку чёрный угол. От ударенного носа у пекаря намокла рубаха. Он унёс буханку на кухню и положил на разделочную доску.

Одну из внучек привела Зина. Девочка отыскала деда, взяла его за руку и сказала, что пора идти. Он послушался. Зина осталась у двери. Взглянула на Колю и поставила рядом с ним таз. Из таза она вынула оттаявшие сапоги и подставила их под трубу.

— Надень, когда встанешь, — сказала она. — Мне сейчас тапки дали.

После драки люди заговорили тише. Они устали стоять, и некоторым пришлось сесть на пол. Андрей попросил пекаря принести дежурный список. Пекарь вынес лист, вынул из-за уха карандаш и сел у доски. Сначала он хотел записывать фамилии, потом увидел Лиду. Она вошла последней, сняв мокрый платок. За ней никто не пришёл.

— У тебя есть карточка? — спросил он.

Лида помотала головой.

— Тогда скажи имя.

Она сказала. Пекарь записал его над первой строкой, потому что первая уже была занята. Андрей поднял с пола ковш и поставил на стол. Вера наконец добралась до сухих вещей. Она стояла за окном на площадке между вагонами и жестом показывала, чтобы он не выходил. У неё за спиной люди по одному несли в восьмой матрасы.

— Хлеб на всю ночь, — сказал Андрей. — Пекарь делит здесь. Сначала те, кого забрали с моста и из девятого. Потом все, кто остался. Восьмой сейчас греют. Кто может спать здесь, остаётся здесь.

Он видел, что молодой в фартуке хочет возразить. Тот снял с буханки ткань и сунул её себе под локоть.

— А если утром скажут опять ехать? — спросил он.

Андрей услышал, как внутри кухни щёлкнул остывающий противень. Перед глазами у него стояли два окна, нарисованные на стекле. За ними, там, где он привык видеть рельсы, теперь лежала река. Он мог сказать парню, что утром топлива на дорогу уже не будет. Мог велеть снять хлеб со списка и отнести Костину, чтобы тот делил сам. Костин умел объяснять, отчего пять буханок по ведомости приходится считать шестью.

— Утром я приду и скажу, куда мы едем, — ответил Андрей. — Если узнаю раньше, разбужу.

Коля слез с трубы. Поставил сначала одну ногу в чужой сапог, потом другую. Голенища оказались ему широки, и Зина подоткнула их краями штанин. Андрей смотрел на ремешки. Оба были целы. Сапог с оборванной заклёпкой, который он вытащил с моста, всё ещё бил его по ребру под курткой, когда он наклонялся.

Пекарь разрезал буханку. Под чёрным следом хлеб был ещё тёплый.

Андрею досталась корка. Он завернул её в полоску бумаги и убрал в карман. Мальчик у печи видел это и отвёл глаза с такой вежливостью, что Андрей достал корку обратно.

— Возьми брату Зины, — сказал он.

— Ему воды дают.

Мальчик помедлил, вытащил изо рта крошку и положил на бумагу. Андрей подумал, что тот отказывается. Коля завернул корку на совесть, подогнул оба угла и сунул свёрток в рукав.

— Когда захочет, — сказал он.

Из третьего Андрей пошёл к открытому переходу, где оставил Степана. Снег осел на поручнях, у самых дверей прихватило настылой водой. Теперь, когда состав стоял, в тамбурах было слышно разговоры из соседних вагонов. Кто-то в четвёртом звал Федю. Женщина из пятого читала имена людей, которых ждали в посёлке. Андрей остановился, потому что среди имён прозвучало Лёнино. Потом она прочла «Леонид» ещё раз и прибавила отчество. В списке было двое.

Костин ждал в кабинете. Банка с сахаром стояла открытая. На столе лежала развёрнутая карта, придавленная с одного края сапожной щёткой. Из ящика он вынул ещё один лист, разгладил тыльной стороной ладони и показал Андрею.

— Это Миша принёс. У Ершовых дома висела схема сторожевых постов. Он её срисовал, когда мать последний раз навещал.

На схеме два пути пересекали реку. Один шёл через мост, под которым Андрей только что побывал. Второй тянулся на запад вдоль русла и уходил под гору. Возле горы кто-то пририсовал три тесно стоящих квадрата.

— Там что?

— Рудничные склады. Дизель, если не слили. Дрова. По твоей карте ветка разобрана, но Миша говорит, прошлой зимой возили лес.

Андрей проследил линию до стрелки. Она находилась позади состава. Можно было подать назад меньше километра, перевести стрелку и выйти на ветку передом. Если путь оставался на месте.

— Откуда он знает про лес?

— Сам грузил. Мне сказал десять минут назад, пока я объяснял его брату про мост.

Костин подтянул карту к себе. Под щёткой мало-помалу распрямился угол бумаги.

— Отправляй их вдвоём, — сказал он. — Состав успеет отойти, пока проверят стрелку.

— Ты их матери что обещал?

Костин поднял глаза.

— Я обещал довезти письмо, если поеду первым.

— Оно у тебя?

— В кармане пальто. Хочешь, возьми.

Андрей покачал головой. Костин сложил маленькую схему и протянул её через стол. Андрей взял. Под бумагой лежала полоса хлеба. Костин заметил её одновременно с ним и прикрыл ладонью.

— Зине оставил, — сказал он.

— Она у брата.

— Знаю. Она мне принесла одеяло из девятого, когда стекло лопнуло. Я оставил её одну на две минуты. Она, наверное, решила, что теперь и одеяло отдать некому.

В дверь постучали. Федя просунул голову, увидел Костина, выпрямился и остался на пороге. Под мышкой у него был футляр тали.

— Убрал её, — сказал он Андрею. — Хотел показать кое-что.

Костин взял щётку и начал сметать со стола крошки. Федя смотрел ему на руки. Потом поставил футляр в проход и полез во внутренний карман. Вытащил сложенную конторскую бумагу.

— Мне велели сжечь, когда меняли в щите проводку. Такие бумажки под крышкой клеят, когда проверяют звонки между вагонами. Я оставил одну. Там на обороте записано, какая жила где.

Андрей разложил лист. Наверху стояло «Отцеплён», тем же синим карандашом, каким было написано распоряжение в кабине. Ниже уже стояла его фамилия. Вместо времени на бумаге оставили пустое место.

— Когда меняли проводку?

— Четыре дня назад. Перед остановкой у Гали.

Андрей достал второй лист. Оба лежали рядом. У буквы «д» в его фамилии хвост уходил далеко вправо, почти под следующую букву. Даже черта под первой строкой шла под одним углом. Андрей вспомнил, как заполнял образцы для учеников, когда учили новых сцепщиков. Тогда он дал по листку каждому. Вписал свою фамилию целиком, чтобы было видно, где фамилия дежурного, а где подпись.

— На учебном листе я ставил число, — сказал он.

— Я знаю, — ответил Федя. — Потому и оставил. Думал, попросят переписать жилы, а спросят, чего на бланке нет числа.

Костин положил щётку на место.

— Кто держал щит открытым?

— Я и Степан. Третий приходил от вас за ключами. Ключи Андрей нынче взял от тали. Я другого такого не видел, чтобы без бирки.

Андрей перестал смотреть на лист. Костин выпрямился у стола. Рука у него висела свободно, а здоровой он держался за выступ подоконника.

— За этим ключом? — переспросил он.

— За связкой. Ключ был в ней.

— Кто приходил?

Федя посмотрел на Андрея.

— Леонид. Из девятого. Сказал, что его к вам поставили на ночную смену.

Андрей сложил оба листа вместе. Он помнил, как Леонид стоял на сходке и спрашивал, кто придумал отцеплять девятый. Помнил, как тот поддерживал пальцами челюсть. В протоколе после сходки клетка, где должны были записать имя человека, задавшего вопрос, осталась пустой.

— Найди Степана, — сказал Костин.

Федя даже не пошевелился.

— Лучше вы оба найдите Леонида. Я к стрелке пойду. Пока не засыпало.

Андрей вынул схему и положил Феде на футляр. Тот посмотрел сперва на схему, потом на футляр. Приоткрыл крышку и вынул таль. В нижнем углу под ветошью лежал короткий обрубок медного провода.

— Это с девятого. В щите сняли перемычку. Сзади из динамика перестало слышно, а в переговорную трубку ещё можно было говорить. Степану ответили по ней. Я ему поверил, что ответ чей надо.

Андрей взял обрубок. На одном конце его перекусили так близко к клемме, что на меди осталась вмятина от винта. Андрей пробовал вспомнить, где слышал собственный голос через вагонную трубку, и вспомнил учебный день, когда повторял одно слово снова и снова, пока Федя бегал между вагонами и переставлял провода.

— Что ты ему говорил тогда? — спросил Костин.

— «Оставить», — ответил Федя за Андрея. — Мы проверяли, доходят ли все слоги.

За стеной кто-то чихнул. Костин повернулся к двери. Андрей видел, что он хочет выйти и сделать хоть что-нибудь: пересчитать людей, закрыть щит, проверить, сколько угля у печи. Андрей и сам хотел на воздух.

Федя аккуратно уложил таль обратно. От большого пальца по его ладони шёл белый рубец, которого Андрей прежде не замечал.

— Если у стрелки путь есть, — сказал Андрей, — вернись и скажи лично. Возьми Мишу. Он знает ветку.

Федя застегнул футляр. Потом поправил схему, чтобы она не упала, и спросил:

— А если увижу Леонида?

Андрей снял со стола хлеб, завернул и подал ему.

— Спроси, ел ли его сын. Потом приведи сюда.

Когда Федя ушёл, Костин подошёл к стенке и повернул к себе висящий на ней календарь. На обороте листка были номера вагонов, даты и фамилии. Дата напротив девятого была зачёркнута трижды. В последней строке цифры стояли тесно, будто человек писал, не сняв пальца с места, где собирался начать следующую строку.

— Я обещал ему, что девятый пойдёт до посёлка, — сказал Костин. — Сказал после сходки. Он у меня спросил, хватит ли тепла. Я сказал, хватит.

— Зачем ты записал дату?

Костин опустил календарь. Листок повернулся чистой стороной к стене.

— Потому что он попросил сказать при свидетелях. А я сказал, что запишу.

Они помолчали. За перегородкой пекарь собирал с доски крошки. По звуку Андрей понял, что тот взял скребок, которым обычно срезал засохшее тесто. Скребок ходил по доске от одного края до другого, с долгой паузой в конце.

— Если ветка есть, — сказал Андрей, — сперва заберём из девятого постели и всё, чем можно топить. Семёна Ильича похороним там, где землю можно взять. Если ветки нет, придётся разгружать город и решать, куда люди пойдут пешком.

— Кто им скажет?

— Мы с тобой.

Костин долго не отвечал. Потом вышел в тамбур и придержал дверь, чтобы Андрей успел надеть рукавицу. Андрей сунул руку в карман и вспомнил, что отдал её Вере. Он оставил дверь Костину и первым пошёл в восьмой.

В восьмом брат Зины спал на двух матрасах, положенных один на другой. Сестра сидела рядом и перебирала пуговицы на его куртке. Каждый раз, когда она доходила до верхней, возвращалась к нижней. Андрей присел у стены и спросил, дали ли ему воды.

— Дали. Он немножко выпил. Потом папу звал.

— Ты его где искала?

— В пятом. Там женщина по бумажке звала Леонида. Я думала, это к нам.

— А она что сказала?

— Что может и к нам. Только бумажку не дала.

Зина опустила руки. Андрей увидел, что пуговицы на куртке застёгнуты со сдвигом. Она их расстегнула и теперь пробовала сначала.

— Скажи, куда папа ходил, когда вы ещё в девятом жили.

— К Семёну Ильичу. Когда в вагоне звонили, дедушка его будил. Папа сперва ругался, потом всё равно вставал.

— Зачем будить?

— Из-за стрелки, — сказала Зина. — Я думала, это часы. Он сказал, там тоже стрелка, только большая.

За матрасами к стене привязали простыню. Сквозь неё шёл тёплый воздух, и на ткани, когда открывали двери, проступали тени людей. Андрей услышал голос Веры. Она просила подержать миску повыше. Кто-то спросил, надо ли слушать, что говорит раненый. Вера ответила, что сперва пусть он продышится.

Андрей прошёл за простыню. Серёжа лежал у окна. Лида придерживала у него возле подбородка миску. Павла переложили ниже, к самой трубе. Между матрасами оставили столько места, чтобы могла пройти одна нога. Андрей остановился у ног Павла и вынул ключ, принесённый Егором.

— Ты говорила, у него ключ под пальто.

Лида передала миску Вере, вытерла руки и нагнулась к Павлу. Из-под ворота она вытянула оборванный шнурок. На нём висел ключ. Андрей положил свой рядом. Оба плоские, с

той же широкой бородкой. У ключа Лиды посередине сточился один зубец. У второго в этом месте блестело свежее железо.

— Его недавно выточили, — сказала Вера.

— Павел делал дубликат, — сказала Лида. — Жена кладовщика хотела, чтобы при выдаче было двое. Она на него жаловалась, что он детям вес уменьшает. Я не видела, уменьшал или нет. Видела, что после выдачи Савельевы всегда ещё раз вставали в очередь, уже без детей.

— Кому он отдал второй?

Лида потянула за шнурок, глядя, как ключ поворачивается у неё в руке.

— Девочке на берегу. Она из всех одна могла пролезть в окно кладовой. Он сказал, чтоб взяла мешок и передала наверх. Потом она больше не вылезла.

Андрей оглянулся туда, где Зина сидела с братом. Простыня отделяла их так плохо, что он видел край её поднятого воротника.

— Ты их обоих знала?

— Девочку знала. Мать её звали Полиной. Я уже рассказывала тебе про них, Андрей.

Он впервые услышал от неё своё имя. Хотел спросить, откуда она его знает. За простынёй Зина тихо произнесла «три», застёгивая третью пуговицу. Он убрал ключ обратно.

У двери Вера догнала его и засунула руку ему под мышку. Он подумал, что она замёрзла, и только потом понял, что ей надо, чтобы он остановился.

— Сейчас в восьмом двадцать восемь человек. Троих я прошу дальше от остальных положить. Дежурный говорит, через сорок минут можно убавить пар. Если соберутся гнать людей обратно по вагонам, скажи, что я просила до утра не таскать тех, у кого жар.

— Если найдут ветку, надо ехать.

— Тогда вези. Но пусть никто с больными не меняется коечными местами, пока едем. Хоть так.

Она вынула руку. Андрей увидел, что пальцы у неё наконец сгибаются. На суставе проступило красное пятно. Он коснулся его губами, прежде чем успел подумать, куда смотрят люди. Вера не отняла руки. Когда он выпрямился, она попросила принести часы. Ей нужны были хоть одни, которые теперь можно было оставить у Павла.

Андрей вернулся в голову. У кабины стоял человек с двумя пустыми ведрами. Когда Андрей открыл дверь, тот поднял одно и прикрыл другим снег, набившийся под ручку. Сначала Андрей узнал привычку щадить челюсть. Человек прежде чем заговорить провёл большим пальцем вдоль щеки.

— Я к вам из первого, — сказал Леонид. — Велели забрать хоть немного тёплой воды. Заодно хотел спросить, дети у Веры?

— Оба там. Поднимайся.

Леонид поставил ведра на площадку и вошёл. При свете лампы Андрей увидел, что он в сухих сапогах. На одном голенище было пятно свежего машинного масла. Леонид поймал его взгляд и вытер пятно о штанину.

— В шестом кран заедал. Снял колено и промыл. Теперь туда кипяток можно дать.

— Ты оставил сына в девятом и пошёл чинить шестой?

— Меня позвали, когда восьмой начал греться. К тому времени ваши его уже вынесли.

— А до этого?

Леонид сел на сиденье, где утром сидел Коля. Он обхватил колено руками. На пальце под ногтем у него виднелась точка. Андрей видел одинаковые точки у людей, которые держали провод одной рукой, пока другой отворачивали винт.

— До этого я ждал у щита, — сказал Леонид. — Мне велели закрыть кран между восьмым и девятым. Если тронемся и труба лопнет, весь пар сбросим.

— Кто велел?

— Степан.

— А перемычку в щите кто вынул?

Леонид убрал руки с колена. Откинулся и посмотрел мимо Андрея, на боковое стекло. Костин так и оставил там тряпку. Край тряпки подсох, отстал от рамы. Теперь трещина была видна до самого угла.

— Я вынул, — сказал Леонид. — Когда ещё у Гали стояли. Степан хотел устроить отдельную линию к хвосту, чтоб любые разговоры с кабиной не слушал весь город. Я ему помог.

— В одиночку без связи ты бы детей не оставил.

— Я и не думал, что связи нет. Степан сказал, что он передал. Потом ударило, и я спрыгнул, чтоб убрать башмак. Тут он при мне отцепил. Я встал на ступеньку, хотел подняться обратно. Он крикнул, что если оттянем восьмой, дверь сразу откроют. Я пошёл к ним через снег.

Андрей посмотрел, как Леонид отвёл сапог назад, к самому сиденью. У следа масла на голенище был острый нижний край. Если человек спускается к колену трубы, сапог пачкается сбоку. Такой след оставляет ступенька, по которой нога соскальзывает под вагон.

— Ты за ступеньку схватился и ждал, что тебя протащат вместе с восьмым, — сказал Андрей.

Леонид закрыл глаза. За стеной кабины кто-то перекладывал лопаты. Одна ручка долго стучала по жести.

— Да, — сказал он. — Я видел, как его понесло. Мне захотелось оказаться на другом вагоне. Об одном и думал.

Андрей положил перед ним бланк Феди. Леонид посмотрел, но не взял.

— Эту штуку я должен был сжечь, — сказал он.

— Кто попросил?

— Степан сказал, в щите бумага лишняя. Я тогда был рад, что мне доверили ключи. Вам трудно представить, сколько раз я ходил туда спросить, когда у нас будет своя смена. Я один раз предложил, как водить пар в девятый через обе трубы. Мне ответили, что если умею считать, пусть сначала схожу и посчитаю одеяла. Я их пересчитал. Двадцать три. Через неделю пришли отбирать лишние. У нас двое тогда совсем слегли. Я у старика забрал, потому что он сказал, что ему хватит пальто.

Леонид замолчал. Андрей дождался, пока тот поднимет голову.

— Семёна Ильича нашли за шкафом.

Леонид потянулся к бланку. Взялся за угол, подвинул лист к себе и так и остался сидеть. Андрей не знал, понял ли он. Потом Леонид отодвинул лист и сказал:

— Он шил мне карман. Я его просил оставить снаружи. Хотел сыну куртку продлить на зиму.

В рации молчали. Андрей снял с полки часы, которые нашёл в шкафчике. Проверил завод. Они всё ещё отставали на девять минут. Он подвёл стрелки по часам над пультом и подал Леониду.

— Отнеси Вере. И ведро возьми одно. Второе оставь здесь.

Леонид встал. У двери он остановился, будто не помнил, зачем пришёл. Потом взял часы обеими руками и сунул во внутренний карман. Андрей подождал, пока стихнут шаги. Лишь тогда он заметил, что в кабине стало светлее. Не от лампы. Снег за окном поредел, и с той стороны, где была река, небо начало сереть.

В рации раздался голос Миши Ершова. Сперва Андрей уловил только «да, здесь». Потом Миша передал трубку Феде.

— Стрелку нашли. Путь лежит. Есть следы.

— От чего следы?

— От тележки. По запасной прошла недавно. Дальше насыпь чистая. Шпалы мокрые, как будто снег на них растаял.

— На сколько видишь?

— До будки. В будке лампа горит. Миша стучался, никто не отвечает.

Андрей взял карандаш. Хотел записать время и успел провести черту на ведомости. Федя сказал, что двери у будки две. У другой двери в снегу кто-то положил три мешка и прикрыл брезентом. Один мешок уже разрезали на пробу. Из него достали уголь, сухой и мелкий. Федя позвал Мишу к рации. Андрей услышал, как тот торопливо отказывается говорить, потом как шмыгает носом совсем близко.

— Там мама бирки привязала, — сказал Миша наконец. — На всех трёх её почерк. Я одну снял. На ней «Феде». Я его ни разу не брал домой.

— Как зовут твою маму? — спросил Андрей.

Миша ответил не сразу. Он всегда называл её мамой, даже когда рассказывал о ней людям, которые никогда её не видели.

— Нина Степановна.

— Проверь, есть ли в будке кто живой. Если двери заперты, пока не ломай. Уголь взвесьте руками, сколько унесёте, столько берите. Где Саша?

— Со мной, — сказал Федя. — Я попросил его прийти. Тут надо бы взглянуть под насыпь. Ветка целая до самой горы, но я слышу воду.

Андрей оставил на пульте записку для Костина и пошёл к котельной. Леонид так и не взял второе ведро. Оно стояло на площадке, и на дне у него уже лежал сухой снег. Андрей поднял ведро и отнёс дежурному. Тот высыпал снег в таз, перевернул ведро, поставил на него чайник и только после этого спросил, что случилось.

— Нашли уголь. Три мешка.

Дежурный перестал устраивать чайник.

— Сухой?

— Говорят, да. С оставшимися доедем до рудничных складов?

— Если склады стоят на месте. Сколько туда?

Андрей развёл руками. У него в голове было расстояние до стрелки, ещё примерное расстояние от стрелки до горы по схеме Миши. Дальше на схеме начинался белый край.

— Мне пока нужно полчаса тепла для восьмого. Потом я подвину состав к стрелке. Без дыма, если можно.

Дежурный сел на табурет. Снял ремешок с часов и отложил. За спиной у него тихо стучали трубы.

— Сухой уголь я сразу могу пустить в топку. Сырую кучу оставлю на утро. А насчёт дыма пусть те, кто рисует карты, тебе ответят. Я могу развести огонь. Спрятать его от людей не могу.

Прибежал Саша. Он придерживал у груди мешок, так что между рукавами выступала широкая полоса брезента. Дежурный встал ему навстречу. Мешок был лёгкий. Саша донёс его от двери до печи на вытянутых руках и бросил. Из прорези посыпались на пол орехи угля.

— Остальное Миша тащит, — сказал он. — Федя остался. Ему дверь открыть надо.

Андрей посмотрел на его пустые руки. Саша сразу понял.

— Открытки не мои, — сказал он. — Я почерк по этим остановкам знаю. В «Феде» у мамы «д» всё время на «а» похоже. Сам посмотри.

Он отогнул угол мешка. Под швом болталась чистая картонная бирка. Саша вытащил из кармана другую и подержал возле лампы. Андрей прочитал «Феде». На обратной стороне была грязь от пальца и короткая черта, как на почтовом штемпеле.

— Может, она другого Федю знала, — сказал Саша. — Попросил Мишу больше в будку не стучать. У него голос сел.

— Что Федя нашёл?

— Там после будки канава под путём. Сверху шпалы лежат, а снизу земля вымылась. Федя лёг животом и просветил насквозь. Миша ему говорит, что ветку держат сваи. Федя попросил показать хоть одну. Мы в снегу две нашли, обе срезаны.

— Кто срезал?

— Он говорит, вода. Я поперёк такой казённой сваи пилу не поставил бы. Там свежий белый торец.

Дежурный взял горсть сухого угля и высыпал в ведро. Звук был такой чистый, что все трое на секунду посмотрели на ведро. Андрей отдал бирку Саше. Саша сунул её обратно в карман, обойдя пальцами сгиб, как обходят трещину во льду.

— Миша пусть останется здесь, когда придёт. Ты можешь провести меня к Феде?

— Могу. Только скажи, что делать с третьим мешком. Он один остался с той стороны будки.

— Пусть пока лежит. Если всё хорошо, заберём на обратном пути.

Саша отвернулся к двери. Андрей увидел, как он шевельнул губами. Саша, кажется, хотел сказать, что они уже забрали первый мешок с чужим именем. Потом поправил на голове шапку и вышел.

У крайней двери Андрей обнаружил, что сюда поставили человека из кухни, с той самой хлебной сумкой. Тот держал сумку пустой перед собой и кого-то ждал. При виде Андрея он распахнул дверь и принялся объяснять, что сам попросился следить за входом. У него был ещё хлеб на завтра. Он собирался отдать его пекарю, если тот согласится брать из его рук.

— Как тебя зовут? — спросил Андрей.

— Яков. Я в шестом.

— Яков, когда придёт Миша Ершов, проводишь его к печке. Пусть отогреется. Никуда больше пока не отправляй.

Яков посмотрел на сумку.

— Пекаря ещё позвать?

— Позже, если надо будет.

Они с Сашей вышли в снег. К югу стало светло до самого обрыва. Виднелись голые вершины берёз, дальше белая насыпь и пологий подъём. Саша дошёл до конца состава и остановился. Он вынул бирку, разогнул и вложил Андрею в нагрудный карман.

— Ты если увидишь её, отдай сам, — сказал он. — Федя нам сразу сказал, что не его уголь. Мы его и так могли взять. Зачем я про почерк начал, не знаю.

Они прошли вдоль рельсов, пока не показалась стрелка. Снег вокруг фонаря истоптали сапогами. У рычага лежал лом. Саша приподнял его ногой, чтобы выбить набившийся снег, и оглянулся туда, где тёмная ветка уходила к горе. Будку Андрей увидел по одному окну. Изнутри на стекле белела полоска света, остальное занавесили. Рядом темнел нетронутый мешок.

Федя был за будкой. Он сидел на корточках, курил плохо скрученную папиросу и пальцем придерживал бумагу у губ. Андрей вспомнил, что раньше не видел, чтобы он курил. Федя вынул папиросу и погасил в снегу.

— Гляди сюда, — сказал он.

В низком свете Андрей рассмотрел на рельсах влажную колею. По ней и прошла тележка. Левым колесом она задела не до конца переведённую стрелку. На железе осталась царапина. Выше, у будки, колея исчезла.

— Она дальше не шла, — сказал Андрей.

— Шла. Дальше я снегом забросал. Смотри, куда я ставлю ногу.

Федя прошёл до серой кромки насыпи, отмерил пять шагов и ткнул каблуком в снег. Из-под каблука хлынула вода. Андрей отступил, но Федя остался стоять: под каблуком у него была железная полоска, один конец которой он просунул поперёк канавы. Вода уходила из-

под рельсов в чёрную щель. Андрей опустился на колено и посветил. С другой стороны рельса, там, где должна была быть свая, плавал обрубок дерева. Торец и правда был белый. Из-под воды время от времени всплывали опилки.

— Теперь веришь? — спросил Саша.

— Верю, что пилили, — сказал Федя. — Кто и зачем, ещё не знаю. По этой дороге без осмотра только тележку пустишь. Я нашёл обход сбоку и могу обмерить настил. Если разобрать пол в девятом, доски на подкладки пойдут. Нам бы четыре человека и час.

— Пока вода так идёт, твоим четырём дольше всех стоять под рельсами, — сказал Андрей.

— Я под рельсы их не пошлю. Я знаю, как с берега. Если таль вернут.

Андрей посмотрел на гору. За будкой путь поднимался, потом уходил в лес. Он попробовал вспомнить, когда Федя последний раз предлагал что-то менять в устройстве вагона. Две зимы подряд Федя таскал за собой свёрнутые чертежи. Чертежи разворачивали, когда требовалось подложить бумагу под кружку. Сам Андрей однажды пообещал посмотреть их после рейса. Рейс закончился, и ему выдали две нарезанные железные полосы вместо сломанной ступеньки. Федя пришёл их ставить. Больше о чертежах они не говорили.

— Ты мне показывал схему для подъёма тележки без канавы, — сказал Андрей.

— Показывал. Таль на ней такая же. Только я лапы переделал, пока лежало.

— Где она?

Федя посмотрел в сторону будки.

— В девятом. Под стариковской койкой ящик. Я туда складывал железо. Пока чертил, Семён Ильич мне читал, а я ему мешал. У него голос был тихий, когда он уставал. Я иногда переставал работать, чтоб дослушать.

Из будки донёсся металлический щелчок. Саша шагнул к двери, но не взялся за ручку. Федя поднял фонарь. За стеклом медленно сдвинулась занавеска. На подоконнике, между стеклом и тканью, стояли три кружки. Две были перевёрнуты, третья стояла прямо. Андрей успел заметить на её боку сколотую эмаль. Потом полоска света исчезла.

— Не ломать, — сказал он Саше. — Сейчас все трое отойдём от двери. Если выйдут, пусть видят руки.

Они отступили к стрелке. Федя споткнулся о лом, наклонился и положил его на снег. За дверью прошли один раз туда и один обратно. Потом кто-то с той стороны снял защёлку.

— Который из вас Федя? — спросил женский голос.

Федя поднял руку. Саша рядом с ним не двигался. Андрей увидел, что тот прикусил губу и держит её зубами, пока женщина на пороге привыкает к свету.

Женщина вышла в длинном вязаном жилете. Саша посмотрел на её ноги: она вышла прямо в домашних туфлях, и снег уже забился внутрь. Он наклонился к мешку, поставил на него ногу и развязал бечёвку, которой была прихвачена к голенищу калоша. Женщина следила за его руками.

— Саша? — сказала она.

Он выпрямился с калошей в руке.

— Мама?

Женщина взялась за косяк. Андрей увидел, что она щурится. Саша поспешил к ней, а она подняла руку и остановила его ещё на ступеньке.

— Я Галина. Мы с Ниной вместе дежурили. Ты похож на неё, когда без шапки.

Саша потрогал голову. Шапку он так и держал в другой руке. Надел, потом подал ей калошу.

— Миша где? — спросила она.

— В котельной. Отогревается. Вы откуда его знаете?

— Мать показывала фотографию. Ты отвернулся, а он там лицом к аппарату. Она говорила, ему одному интересно, что из неё выйдет.

Галина поставила калошу под дверь, чтобы та оставалась открытой. Потом повернулась к Феде.

— Я тебя дольше всех ждала. Нина обещала, что ты по ветке сам посмотришь и скажешь, сколько туда давать.

— Чего давать?

— Воды.

Федя подошёл ближе. Теперь из будки тянуло тёплым воздухом, в котором явственно пахло мылом. Андрей заметил у порога корыто и два детских полотенца, натянутых между спинками стульев.

— Вы переставьте лом, — сказала Галина. — Под ним тяга водосброса. Если наляжете всем весом, опять сорвёте.

Федя поднял лом, положил рядом со ступенькой и только потом посмотрел на Андрея. Андрей кивнул. Галина впустила их в будку.

На стене за печью висела схема ветки, такая же, какую принёс Миша. На подлиннике под горой были нарисованы две синие окружности. Галина принесла лампу к стене и показала, снизу приложив ладонь, чтобы не обжечь бумагу. Вода с верхнего отстойника шла под насыпью к нижнему, оттуда в реку. С прошлой недели нижний стоял забитый льдом. За ночь вода поднялась до деревянных лежней. Галина открыла обходной сброс. Через час пришли двое с пилой, распороли откос и свалили опоры в канаву. Верхний путь остался цел, но к складам теперь можно было попасть только через подмытый участок или в обход горы.

— Они что, знали, что делают? — спросил Федя.

— Один прежде у нас смену принимал. Руки у него хорошие. Я видела, как он пилу вынул, чтобы её не закусило, когда дерево вниз пошло.

— Зачем им дорогу портить?

— За складами сейчас очередь. Кому с той стороны идти пешком, тому выдадут по ведру. Кому поезд привести, тому можно всё увезти.

Саша снял с печи чайник и поставил на стол. Он двигался по будке как по знакомой комнате. Открыл шкафчик, вынул три чашки, в четвёртую заглянул и оставил на месте.

— Мама где?

Галина подошла к столу. Андрей увидел, что она тоже несколько раз посмотрела на четвёртую чашку.

— Ушла за бумагами. Ей на складах дали бы только на тех, кого она успела записать. У неё в списке ваши оба, Федя и люди, которых я не знаю. Третий день жду.

Саша подвинул к ней пустую чашку. Заливать в неё чай не стал.

— Нам можно взять последний мешок? — спросил Андрей.

— Возьмите. В первом вещь была, под углём, в жестянке.

— Саша, ты видел жестянку?

Саша мотнул головой. Первый мешок он принёс разрезанный. Всё, что высыпалось, дежурный сгребал руками. Если жестянка была на дне, она могла остаться под печью. Андрей вызвал котельную. Ответил Миша. У него уже совсем пропал голос. Андрей попросил, чтобы он поискал жестянку и привёл с собой дежурного, если тот не занят топкой. Миша сказал «понял» и не спросил, кто сидит в будке рядом с братом.

Федя всё ещё стоял у схемы.

— Если я подниму рельсы там, где поперечины срезаны, вы можете перекрыть воду?

Галина вернулась к нему.

— Оттуда всё закрывается. Здесь можно только открыть. Если закрыть верхний, вода пойдёт поверх насыпи. Надо сперва открыть нижний.

— Нижний где?

Галина ткнула пальцем в окружность под самым краем карты.

— На старой лесной ветке. Там решётка, за ней задвижка. До решётки дойти можно в сапогах. За решёткой по грудь. Я раз ходила, когда ещё лето было.

— Не пойдём по грудь, — сказал Федя. — Я решётку подниму сверху. Саша, ты можешь вытянуть из девятого мой ящик? Под той койкой, где Семён Ильич лежал.

Саша кивнул. Он поставил ещё одну чашку рядом с пустой и пошёл к двери.

— Сначала со мной посмотри, — сказал Андрей Феде. — Где ставить. Будем знать, откуда людей увести, если не сработает.

Федя взял лампу. На этот раз он шёл вдоль ветки быстро, ставя ноги на сухую сторону шпал. Галина с порога крикнула, чтобы он держался выше лещины. Дальше за лещиной обрывалась канава. Вода под берегом шла бесшумно. Андрей видел, как Федя водит лампой низко над ней и выбирает место, куда можно опереть подъёмник. Ни рельсы, ни шпалы ему для этого не годились. Он просунул пальцы под заросший край и нащупал каменную кладку.

— Здесь, — сказал Федя. — Видишь белое? Два камня ещё не тронуло. Если сделать опору на них, поднимем решётку. Ты мне дай четыре шпалы сверху, а людей сюда не спускай.

Андрей встал с другой стороны. У него под каблуком зашевелилась земля. Он присел и ещё раз оглядел всё, от кромки воды до места, где начинались шпалы.

— А если решётка заложена льдом?

— Вытащим сколько выйдет. Потом пусть кто-нибудь с багром дотянется до задвижки. Я знаю, где у Серёжи багор. Он утром говорил, кто-то на девятом посту самодельный сделал. Надо только найти между его вещами.

Андрею стало неловко сказать, что он и не спросил Серёжу, кто у него остался на девятом посту. Он спросил про положение поста, услышал ответ и посчитал, что этого достаточно.

— Сам спросишь, когда вернёмся, — сказал он. — Если Вера пустит.

Они повернули обратно. Будку уже не скрывали сумерки. У ступеньки стояла Галина, обутая в обе калоши: вторую Саша, видимо, снял перед уходом. Она держала ведро, из которого когда-то сделали фонарь. Вместо стекла в жестяной бок вставили дверцу от печки.

— Скажи Нине, если встретишь, что я задвижку дальше верхней не трогала, — сказала она Феде. — Пусть на меня не сердится.

Снег снова повалил у самого города. Когда подошли, у девятого работали трое. Миша стоял на раме, держал ящик за боковую скобу. Саша тянул снизу. Третий человек подталкивал ящик из прохода и ругался, потому что скоба прижимала ему пальцы. В свете фонаря Андрей узнал Якова.

Ящик вынули и положили на снег. Федя нагнулся к нему. Один угол крышки раскололся, когда ящик тянули через окно. Федя снял крышку, отложил её и по очереди поднял две плоские лапы, выточенные из кусков рессоры. Саша подержал одну на ладони. Повернул, вытащил из насечки длинную стружку.

— Такими ты хотел ось брать?

— Под ось ещё прокладку нужно. Это для решётки сойдёт.

— Дай вторую. Я отнесу.

Федя протянул ему лапу. Саша взял её коротким концом вверх, чтобы не ударить никого в проходе. Миша спрыгнул с рамы, снял с пояса жестяную коробку и подал Феде.

— Под печью лежала, — сказал он. — Я открывал. Там одна бумага.

Федя снял крышку. На бумаге копотью отпечаталась шляпка винта. Под ней был рисунок решётки и три стрелки. Андрей ожидал увидеть подпись или несколько слов на полях. Под рисунком только проставили два размера. Один из них Федя прикрыл указательным пальцем, пока рассматривал другой.

— Это мой лист, — сказал он наконец. — Я его прошлой зимой Костину отдал. Он тогда спросил, сколько стоит поднять решётку, если отстойник опять встанет.

— И что ты сказал?

— Ничего не стоит. Не надо новую делать. Только людей дать.

Миша опустился на нижнюю ступеньку. Он положил руки на колени и смотрел на бумагу. В городе зажигали утренние лампы. Снег в их свете был такой густой, что между восьмым и седьмым пропадали даже буферы. Андрей назвал Мише имя женщины в будке. Миша выслушал, поправил ремень на ящике и пошёл помогать брату. Спросил про мать уже у двери, когда Саша обернулся, чтобы его пропустить.

Саша не сразу нашёл, что сказать. Он поставил железную лапу на пол, чтобы не прищемить брату пальцы дверью.

— Ушла три дня назад. Галина ждёт.

— А ты?

— А я сейчас за досками.

Миша отступил, пропустил его и пошёл следом. Андрей видел их через стекло. Саша вынес лом, Миша прихватил со скамьи старое одеяло. На площадке они остановились и завернули в одеяло обе железные лапы, чтобы удобнее нести. Потом взяли свёрток каждый за свой край. Между вагонами стало пусто.

Федя попросил у Андрея карандаш. Подвинул к лампе старый чертёж и обвёл цифру, которую до этого закрывал пальцем.

— Тут ошибся на четыре пальца. Мерил зимой от льда. Теперь я видел сам. Мне нужен высокий брус, не просто настил. В девятом под полом есть. Только сперва спроси, кто оттуда вещи забрал. Поднимем пол — что в щелях осталось, всё вниз уйдёт.

Андрей пошёл к восьмому. Возле дверей поливали пол водой и выгребали грязь наружу. Среди тех, кто прежде жил в девятом, нашлось двое, готовых вернуться за брусом. Женщина с тарелками попросила позволить ей самой выбрать, какие доски брать. Вдоль стен у них были прибиты узкие полки. На каждой карандашом отметили, чей там стакан и где лежит мыло. Женщина хотела снять полки до того, как начнут разбирать пол.

— Как тебя в списке записали? — спросил Андрей.

— Анна Сергеевна. Если вам для работы, можно просто Анна.

Она отдала тряпку человеку у двери и пошла за инструментом. Андрей нагнал её у конца коридора. Хотел сказать, что можно сперва сходить за полками, а потом вернуться за брусом. За перегородкой послышался кашель. Они оба остановились послушать, затихнет ли. Когда стало тихо, Анна сказала:

— Я покажу, за какой край браться. Полки потом.

На обратном пути Андрей встретил дежурного. Тот нёс жестяную кружку вверх дном. Из-под кружки на полу оставались мокрые отпечатки.

— Восьмой прогрелся, — сказал он. — Теперь можно прикрыть. Там Вера просит, чтобы воду не брали из трубы. Я налил им из котла. Остальное уже тянут снаружи.

— Откуда?

Дежурный кивнул на окно. За ним двое мужчин спускались с насыпи с вёдрами. Один оглянулся, увидел их и поднял ведро, словно заранее говорил, что берёт только себе.

Андрей вышел на площадку.

— Из канавы не берите. Снег топите. Скажу, чтобы в котельной поставили ещё бак.

Мужчины остановились. Старший поднялся на один шаг и поставил ведро так, чтобы оно не покатилось.

— Пока растопим, опять скажете, что уголь нужен ехать.

— На воду я дам.

— Ты уже дал на восьмой.

Андрей хотел спросить, зачем тот принёс ведро к грязной воде, если в восьмом у него лежит внучка. Потом вспомнил, что внучка там только ночевала, а утром её должны были забрать. Мужчина смотрел на него снизу и ждал ответа.

— На бак тоже дам, — сказал Андрей. — Ведро оставь у первой двери. Там скажут, когда готово.

Мужчина поднял ведро. Второй пошёл следом. Андрей подождал, пока они свернут к передним вагонам, и вернулся за Федей.

У девятого к этому времени собралось больше народу, чем требовалось. Анна подавала из окна ремни. Под рамой стояли братья Ершовы. Яков держал доску, которую уже успели оторвать, и смотрел на колею. Из-под откоса тянуло дымом. Андрей полез ближе и увидел, что Яков поставил за колесом маленькую жаровню. В ней краснели три куска угля. Возле жаровни лежал гаечный ключ.

— Пальцы отогревать, — сказал Яков. — Там пока винты достанешь, руки белеют.

Федя присел и подбросил сверху щепку.

— На ручку ключа намотай тряпку. Так лучше будет.

Яков протянул ему руку с тряпкой. Федя взял, обвязал ручку и подал обратно. Яков разглядывал рукоятку, пока Андрей просил братьев не сдвигать вагон с башмака. Потом сунул ключ за пояс и спросил, где нужны будут люди.

Брус вынули с третьей попытки. Первый раз он упёрся в порог, второй — в основание печи. Федя отмерил длину прямо в проходе и попросил перепилить по заметной трещине. Оба куска протащили наружу. На одном сохранились две узкие борозды. Прежде в них входили струны от рамы, на которой Семён Ильич сушил сапожные стельки. Анна провела по бороздам большим пальцем и ушла к восьмому. Андрей видел, как у двери она на секунду остановилась и взяла своё блюдце у человека, который выносил из грузового отделения свечу.

К стрелке вышли впятером. Андрей всё-таки взял Якова. Тот лучше других ходил по крутому склону и сам предложил нести таль. Федя шёл налегке и дважды возвращался проверить, правильно ли Саша с Мишей держат брус. На третий раз Саша поставил конец в снег и сказал:

— Скажи просто, где опускать. Зачем каждый раз нас щупать?

Федя посмотрел на склон.

— У будки. Там развернём, чтоб коротким первым.

Саша поднял брус. Больше Федя к ним не возвращался.

Галина ждала у стрелки. На ней были старые штаны, перехваченные поверх калош резинками, и длинная телогрейка. Возле будки стоял мальчик с тонкой жердью. Андрей издали принял его за Колю и сразу посмотрел на руки. Мальчик был без рукавиц. Когда подошли, оказалось, что это низкорослая девочка. Она спрятала жердь за спину и спросила:

— С вами можно?

— Можно до будки, — ответила Галина. — Там кофейник с печки снимешь. Я тебя за этим и звала.

Девочка ушла. Андрей спросил, откуда она. Галина покачала головой.

— С лесной ветки. Утром по чужим следам пришла. Говорит, знает, где Нина переходила, только туда больше не пойдёт.

Миша поставил брус. Спросить он не успел. Галина уже вела их к канаве. Она показала на мокрую метку на стене и сказала, что за час вода поднялась на три пальца. Федя проверил её метку своим карандашом. Потом спустился настолько, насколько мог, не сходя с плотной земли. Под снегом над решёткой остались две полосы каменной кладки. На них он велел уложить оба куска бруса поперёк канавы.

Работали молча. Яков подал таль. Миша надел на край бруса ремень, чтобы железо не ушло по мокрому дереву. Федя нащупал багром верхнюю перекладину решётки, вдел в неё обе

лапы и велел Саше выбирать цепь. Саша тянул осторожно. Под брусом что-то сухо треснуло. Федя сразу поднял руку. Они отступили на шаг. Разошлась щепка на конце бруса, туда ещё не дошла нагрузка. Федя обломил щепку, вывел цепь на середину и кивнул Саше.

Решётка пошла вверх. Под ней отпустило сразу несколько кусков льда. Они сдвинулись в чёрной воде, коснулись друг друга и улеглись у стены. Федя велел Саше остановиться. Поднёс фонарь и показал Андрею ржавую тягу за решёткой. Между ней и кромкой льда как раз проходила головка багра.

— Видишь паз? Я пропущу железо через паз. Галина, как повернём, ты уходишь наверх и смотришь, падает у тебя вода или нет. Никто берегом за водой не идёт.

Галина выслушала. Потом сняла с пояса второй ключ и протянула Мише.

— От будки. Если увидишь девочку, скажи, пусть кофейник уберёт к окну. С печи я его сама сняла.

Миша взял ключ, повернул к свету и спросил:

— Как её зовут?

— Маруся. А Нину она видела вчера у старого спуска. Скажи Саше. Ему тоже надо услышать.

Миша оглянулся на брата, который всё ещё держал цепь. Вторая рука у Саши была свободна. Он вытянул её, будто хотел принять ключ, и Миша положил ключ ему в ладонь.

Федя тем временем просунул багор. Тяга шевельнулась. Вода под брусом поднялась, накрыла ржавую перекладину и сразу отступила. Андрей увидел в открывшемся просвете дощечку, зажатую между решёткой и стеной. Она стояла на ребре, и из неё торчали два гвоздя. Кто-то забил их с верхнего края, чтобы дощечку не выдавило водой.

— Погоди, — сказал Андрей.

Федя уже стоял неподвижно. Он глядел не на дощечку, а на сухой след выше неё. С другой стороны канавы, под нависшей землёй, ровным рядом лежали три такие же. На каждой по два гвоздя. Их приготовили заранее.

— Саша, опусти решётку на один зуб, — сказал Федя. — Медленно. Андрей, уйди с бруса.

Андрей отступил. Саша перехватил цепь. В этот момент из рации донёсся голос дежурного. Состав осел на кривой. Дежурный просил разрешить подать его к стрелке, пока колёса ещё в колее.

Андрей посмотрел на воду. Она уже не отступала.

— Кто у машины? — спросил он.

— Костин.

— Дай Костина.

Снизу двумя ударами отозвалась решётка. Саша удержал цепь на том же звене. Миша стоял плечом к брату, и оба смотрели на Федю. Тот не поднял головы. Он пытался понять, что именно поднялось вместе с решёткой.

— Я здесь, — сказал Костин.

— К стрелке подавай. До сигнала от меня на ветку не лезь. С хвоста человек идёт впереди состава, иначе не двигайся.

— У нас предлагают сперва забрать девятый. С той стороны его уже водой обошло.

Андрей посмотрел на вытащенный из девятого брус. Под ним бежала вода, и там, где на дереве остались борозды от струн, набухали волокна. Он вспомнил Анну Сергеевну. Она обещала потом снять со стен полки.

— Все, кто возле него, пусть отходят к восьмому, — сказал он. — Девятый оставляем.

— Я передам.

— Передай, что это я сказал.

На той стороне дважды щёлкнула кнопка. Андрей убрал рацию и встал на место Галины, выше мокрой отметки. Она ушла к верхнему сбросу. Яков принёс из будки ведро с печной дверцей и теперь держал его так низко, что под жестью вылизывало землю пламя.

— Федя, ты видишь задвижку?

— Вижу тягу. Она ни с чем не соединена.

Он отступил от бруса. Поднял багор, и Андрей увидел на конце обломок муфты. Излом был тёмный. Тягу отрезали давно, а дощечки с гвоздями подсунули недавно. Федя положил багор и попросил Якова посветить выше.

За решёткой, под каменной аркой, шла узкая металлическая площадка. От неё к воде спускалась лестница. Нижних ступеней видно не было. Рядом с верхней, на стене, светилось круглое пятно. Андрей сперва принял его за стеревшуюся краску, потом разобрал спицы. Штурвал задвижки стоял внутри, на высоте человеческого плеча. Снаружи дотянуться до него можно было только через решётку.

— Почему Галина сказала про тягу? — спросил Яков.

— Потому что зимой она ещё работала, — ответил Федя. — Саш, ты подними до мышки. Миша, положи короткий кусок под нижний край. Если уроните, я хоть повернуться успею.

Он снял телогрейку. Андрей наступил на багор. Федя поднял на него глаза.

— Вы меня держите за ремень. Я далеко не полезу.

— Оттуда крутить нечем. Рукой ты его не повернёшь.

Федя кивнул. Потом вынул из-за пояса ключ, который Яков ещё у девятого обмотал тряпкой. Яков машинально потянулся к пустому поясу. Федя показал ему ключ.

— Ты мне сам подал у вагона. Забыл?

— Думал, вернул.

— Вернул другой. Этот короче.

Андрей присел, сдвинул багор ногой и поднёс рацию к губам. Костин ответил, что хвост уже тронулся. Восьмой шёл первым. У Степана из-за повязки запотевал глаз, поэтому перед вагоном пошёл Леонид. Андрей хотел спросить, кто его послал. Потом решил, что сейчас ответ ничего не изменит.

— Когда до стрелки останется метров десять, стой, — сказал он. — Дальше я выйду и приму сам.

Федя поднял ключ и приложил к ладони, проверяя, как войдёт в спицы. Андрей перехватил его за рукав.

— Штурвал будешь крутить снаружи. Засунем багор в спицу, ключом прижмём. Если не выйдет, попробуем иначе.

— Тогда я стану к самому брусу. Тебе всё равно придётся держать.

Яков просунул между камней ручку фонаря, чтобы освободить руки. Андрей и Миша вместе упёрлись в брус. Саша поднял решётку чуть выше. Она зацепилась за дощечку, и та повернулась в воде. Шляпки гвоздей скользнули по железу. Федя подцепил дощечку багром и вытащил. Под ней открылась щель, из которой била тонкая чистая струя. Багор он направил в эту щель и нащупал нижнюю спицу.

— Раз, — сказал Федя. — Два. На три.

Они нажали вдвоём с Яковом. Багор пошёл в сторону сразу на пол-оборота. Выскочил и ободрал Якову костяшки. Тот едва глянул на кровь. Под камнями скрипнуло железо, потом вода снова пошла выше. Федя переступил на сухую часть площадки и протянул руку. Андрей держал его ремень. Саша держал цепь. Миша поставил под решётку короткий конец, который отпилили в вагоне. Андрей чувствовал, как под ладонью расходятся на ремне стежки. Он собирался сказать Феде, что верёвку можно достать у Галины.

Федя довернул штурвал. На этот раз Андрей увидел это ясно, по тому, как рука переместилась между спицами. Вода у бруса остановилась. Несколько мгновений она стояла совер-

шенно ровно, и под фонарём отражались железные лапы. Потом вода ушла вниз. За решёткой с таким шумом посыпались камни, что Саша отпустил одно звено. Миша удержал его руку и прижал цепь к брусу. Андрей вытащил Федю. У того один сапог был полон воды. Он сел и стянул его обеими руками.

— Не трогайте больше, — сказал он. — Поднимем ещё, когда спадёт.

В этот момент со стороны ветки крикнула Галина. Яков побежал к ней первым, даже не взяв фонарь. Андрей дождался, пока Федя засунет ногу обратно в сапог, и пошёл следом.

У будки открыли обе двери, чтобы было видно насквозь до лесной ветки. Маруся стояла на ступеньке. За её спиной к печи прислонилась пожилая женщина в мужской куртке. Она дышала открытым ртом и держала сумку так крепко, что ремень прорезал ей рукав. Саша остановился рядом с Андреем и не пошёл дальше. Миша обошёл их обоих. Женщина увидела его и протянула руку. Сумка осталась у неё под локтем.

— Ты с машиной? — спросила она.

Миша кивнул.

— Тогда повтори. На ветку нельзя, пока не увидите, куда пойдёт вода. Эти, со складов, подняли нижнюю дорогу. Вода у них тебя поднимет до первых свай, а дальше кинет всё к старому двору. Там люди.

— Мама, сядь, — сказал Миша.

— Повтори сперва.

Он повторил. Нина Степановна опустилась на порог, не выпуская сумки. За стеной будки вода сильно ударила по дереву. Андрей высунулся в заднюю дверь. Дальше, за лещиной, где вода прежде исчезала под насыпью, по снегу расходились два тёмных рукава. Один уходил к реке. Второй полз по низине, через остатки ограды к деревьям. Под снегом обозначилась крыша сарая, а потом ещё одна.

— Кто там? — спросил Андрей.

— Кому на складе ночлега не дали, — ответила Нина Степановна. — Я им сказала, что утром сама вернусь. Детей там четверо. Они держат нижнюю дверь открытой, пока я хожу.

Андрей вынул рацию. Сквозь треск пробился голос Леонида. Тот просил стоящих возле стрелки убрать лом с рельсов. Вместо Андрея ему ответил Яков. Он уже бежал от будки к фонарю, размахивая свободной рукой. В снеге пока было видно одну его тень. Потом показалась тёмная стена восьмого вагона.

— Костин, стой на прямой, — сказал Андрей. — Под ветку больше не подавай.

— Стою. Ветер сюда дым гонит. Сколько ждать?

— Пошли ко мне тех, кто может идти по воде. Восьмой не трогай. Там больные.

— А по какому пути обратно?

Андрей посмотрел на Мишу. Тот всё ещё стоял на пороге, держа мать за руку. Саша вынул из кармана бирку, заметил, что она размокла, и расправил её на подоконнике. Маруся сняла с печи чайник, потом сняла крышку и подождала, пока осядет пар.

— Мы пока здесь, — сказал Андрей в рацию. — Дальше я скажу, когда верну людей со двора.

Федя взял фонарь, который Яков забыл в камнях. За дверцей огонь почти погас. Он поднес её к печке. Маруся сунула в щель тонкую лучину и подождала, пока огонь перейдёт на фитиль. Тогда Федя повернулся к Андрею.

— Я пойду тоже. Если дверь у них снизу открыта, верхнюю придётся снимать.

Андрей посмотрел на мокрый сапог.

— Сначала переобуйся.

Федя поставил фонарь на порог. Саша снял с себя один сапог и молча подал ему. Другой оставил на ноге. У стены стояли калоши Галины. Саша выбрал ту, что не была под дверью, и кое-как влез в неё. Федя хотел отдать сапог обратно. Саша поднял палец, прислушался и сказал:

— Вот теперь иди.

Из низины, оттуда, где темнели крыши, несколько раз прозвенел звонок. Андрей ещё не видел людей и уже знал, чем они звонят. У старых станционных дверей колокол крепили над косяком, чтобы его нельзя было унести, не сняв всей двери.

Маруся вышла из будки с жердью и сразу направилась вниз. Федя догнал её у лещины и взялся за толстый конец. Она выдернула жердь у него из руки.

— Тут кривой берег, — сказала она. — Где ткну, там и ставьте.

Она шла по самой кромке, всякий раз прежде пробуя дно жердью. В одном месте жердь провалилась почти до её локтя. Маруся перестала давить, обошла яму и показала, куда лучше ступать. Андрей хотел послать её назад уже через первые десять шагов. Потом попытался сам найти под снегом край канавы, увяз до щиколотки и больше ничего ей не сказал.

На старом дворе когда-то чинили лесовозные вагоны. От двух навесов остались стены, ещё один служил укрытием. Люди сидели там среди разбухших брёвен. Андрей увидел клочья красной ткани в просвете и решил, что кто-то машет платком. Подойдя, разобрал на ткани карман. Женщина вынесла детское пальто и прибила его к торцу кровельной доски так высоко, как смогла.

— Сколько вас? — спросил Андрей.

— Шестнадцать, если с нами считать двоих в конторе. Они там ночью закрылись.

— Дети где?

— Трое у печки. Четвёртый в конторе, с отцом.

Маруся постучала жердью по стене. Из дверного проёма сразу выглянули два лица. Третья, совсем маленькая, встала на пороге и показала Андрею ручку старой кофейной мельницы. Она хотела, чтобы он взял её обеими руками. Андрей взял, поставил на выступ стены и сказал, что заберут по дороге. Девочка стянула с гвоздя платок и накрыла мельницу сама.

От двора к конторе шёл помост на тумбах. Посередине две тумбы увело, доски поднялись над водой. Федя нагнулся, поддел крайнюю жердью и выдернул. Доска осталась у него в руке вместе с двумя согнутыми гвоздями.

— Отсюда не пройти, — сказал он. — Есть дверь с горы?

— Там окно, — ответила Маруся. — Высоко. Я вчера смотрела, там отец Савелий сидел. Он сам поставил лестницу.

— Он с мальчиком?

Женщина поправила на гвозде красное пальто.

— Кто с мальчиком, того Савелием не зовут. У того складской пропуск. Савелий попросил его открыть контору, потому что в печи сухое было. Оба ушли. Я утром слышала, как они спорили из-за окна. Один хотел раму выбить. Другой не давал.

Андрей поднял рацию и вызвал Костина. В ответ кто-то рядом с микрофоном сказал: «Я за него больше не отвечаю». Затем Костин подошёл ближе.

— Людей прислал. Леонид ведёт.

— Пускай идут к красному пальто. Ведите детей к составу и сразу в тепло. Нам понадобятся две верёвки и лестница.

— Лестницу принесут. Тут полвагона у меня на площадке. Спрашивают, когда можно к складам. Им уже кто-то сказал, что у нас путь открыт.

— Скажи, что людям ещё выходить по этой насыпи. Дадим ход, когда найдём дорогу и заберём всех.

Костин помолчал. Андрей услышал, как он попросил дать бумагу и перестать стучать в стекло.

— С кем здесь нянчиться, я сам решу, — сказал Костин совсем другим голосом.

Андрей подождал и понял, что сказано было не ему. Потом Костин опять назвал его по имени и спросил, сколько будет детей. Андрей ответил. Пока они говорили, Маруся привязала

к крайней стойке навеса конец верёвки, которую нашла за дверью. Дёрнула дважды, и Андрей понял, что она собирается вести людей обратно сама.

— Жди Леонида, — сказал он. — Вдвоём доведёте тех, кто может идти. Самую маленькую пусть он несёт.

Маруся посмотрела на девочку. Девочка служебно важным движением сняла платок с мельницы, подняла её и ушла внутрь навеса. Маруся сделала шаг следом, потом остановилась.

— Она из-за неё не пойдёт, — сказала она.

— Тогда пусть берёт с собой.

Девочка услышала. Из дверного проёма показалась её рука, в которой она держала мельницу за съёмную ручку. Андрей переставил пальцы ниже, чтобы дно не сорвалось, и девочка, сама уже ничего не придерживая, дала ему её понести.

Когда пришёл Леонид, с ним было пятеро. Двое с носилками свернули к навесу. Остальные принесли лестницу, верёвки и кусок полотнища. Андрей отдал мельницу Леониду. Тот положил её поверх свёрнутых носилок и пошёл за Марусей. Ему пришлось уступить дорогу Анне Сергеевне. Она пришла вместо человека с перевязанной рукой и не стала Андрею объяснять, почему сначала выбрала разобрать свой вагон, а теперь идёт сюда. Подняла красное пальто, сорвала с гвоздя и спросила, на кого его надеть.

Федя уже проверял подход к конторе. За помостом вода доходила до подоконника первого этажа. Дальше, со стороны горы, лежала поваленная труба. На неё можно было поставить ногу, если сперва перевалиться через каменный уступ. Федя закрепил верёвку за стойку, попробовал трубу весом и попросил Андрея держать слабину. Андрей пропустил верёвку через руки. Пока Федя шёл, из-под ноги у него выкатился кусок кирпича. Кирпич ударился о трубу, и внутри неё побежал глубокий полый звук.

На шум открыли верхнее окно. Высунулся мужчина с короткой седой бородой. Сперва он посмотрел на Федю, потом на Анну Сергеевну, которая связывала пустые носилки у берега.

— Кто там идёт? — спросил мужчина.

— Федя. Принесли лестницу. Кто ещё у вас?

— Иван и его сын. Иван остаётся у двери.

— Зачем?

Мужчина посмотрел куда-то вниз, в комнату.

— У него внизу копии накладных. Он их ещё вчера на полку поднял. Теперь вода достаёт до полки.

— Пусть поднимается. Мальчика давайте первым.

Мужчина исчез. Андрей слышал, как он зовёт мальчика и просит подать ему ботинки. Через минуту в окне появились сперва ботинки, потом руки и вся голова. Мальчик никак не мог просунуть в рукав правую руку. Из комнаты её кто-то подтягивал за манжету. Федя придержал лестницу, Анна взяла её внизу. Мальчик спустился на землю, сделал шаг и сказал:

— Там у папы сумка. Он мне её сначала сунул. Я сказал, что не слезу с сумкой.

Федя спросил у него имя. Мальчик ответил, что Гриша, и вновь посмотрел в окно. Теперь мужчина с бородой спускался сам. Очутившись внизу, он положил ладонь Грише на затылок. Мальчик прижался к его боку.

— Иван! — крикнул Андрей.

Сверху ответили сразу:

— Мне ремень нужен. Через плечо закинуть.

Федя поднял верёвку. Андрей взял её у него, сделал петлю и бросил в окно. Поймали со второго раза. Пока наверху затягивали узел, мужчина с бородой снял шапку. Несколько секунд он стоял у стены, беззвучно шевеля губами. Андрей думал, что он молится о человеке в конторе, пока тот не открыл глаза и не сказал Грише:

— Я твою маму видел вчера. Думал, успею ей передать, куда вы ушли. Ты сам ей скажешь, если встретим.

Гриша затянул на его пальто верхнюю пуговицу. Мужчина надел шапку и пошёл с ним к берегу.

Иван выбрался на подоконник с промокшей конторской сумкой. На ней уже разошёлся боковой шов. Андрей видел из окна белый угол папки. Лестница согнулась под Иваном. Федя удержал её, но нижняя доска на помосте разошлась, и Иван повис ногами над водой. Сумка ударилась о стену. Андрей потянул верёвку на себя. Федя прижал лестницу плечом. Иван успел спуститься ещё на одну перекладину, прежде чем из сумки выпала папка.

Он оттолкнулся коленом от стены и разжал руку, чтобы её поймать. Андрей успел дёрнуть верёвку. Петля поднялась и застряла под Ивановыми рёбрами. Федя вытянул его на трубу. Сумка осталась на плече. Папка раскрылась в воде, и течение потащило листы к помосту. На одном под самой кромкой Андрей успел разобрать знакомые графы: фамилия, количество, отметка о выдаче. Потом лист завернулся и ушёл под доски.

— Пустите, — сказал Иван. — Это у меня единственная копия.

Федя ничего не ответил. Он подтянул Ивана за ремень к уступу. Андрей помог ему подняться. На сухом месте Иван снял сумку, заглянул внутрь, потом сел рядом и прижал её к животу.

— Я там каждому место записал, — сказал он. — Они мне должны были выдать. Теперь спросят, откуда я вас всех взял.

— Пойдём, — сказал Андрей. — Спросишь при нас.

Иван поднял голову. За спиной Андрея стояли Анна и мужчина с бородой, вернувшийся от берега. Гриша ждал чуть дальше. Чтобы отец его видел, он держал высоко обе руки. В одной был ботинок, в другой — верёвочка, которой раньше закрывали сумку.

По дороге назад Андрей пропустил их вперёд и подождал Федю. Тот вынул из-под трубы застрявшую перекладину и положил её рядом. Снял ремень, тот самый, за который Андрей держал его у водосброса. Под нагрузкой распустилась почти вся строчка. Федя оторвал свободный конец нитки, застегнул ремень на последнюю дырку и пошёл за остальными. Андрей увидел, что он прихрамывает. Спросил, не ударился ли тот о трубу.

— Сапог чужой, — сказал Федя. — У Саши нога меньше. Надо отдать.

Они вышли к стрелке, когда последние дети уже поднимались в восьмой. Над будкой стоял дым, из котельной тянуло горелым деревом. Андрей узнал запах вагонной краски. В топку пошли доски девятого, а уголь берегли на ход. На одном из обломков, которые несли к котельной, всё ещё имелась карандашная надпись. Анна перехватила обломок у ступеньки, прочитала своё имя и отдала обратно.

Костин встретил Андрея у входа. Больную руку держал под пальто. В здоровой был перевёрнутый лист с чьей-то подписью.

— Пока тебя не было, люди поставили вопрос, кто вправе задерживать состав. Я разрешил им собраться в четвёртом. Через полчаса придёшь?

Андрей посмотрел на Федю. Тот стоял у стрелки, куда его уже звал Саша, и показывал двумя пальцами, насколько опустилась вода. Теперь он мог заняться путём. Андрей хотел сказать Костину, что придёт, когда узнает у Феди, сколько потребуется времени. Из восьмого, прямо над их головами, донёсся голос Веры. Она звала Леонида. Тот стоял под дверью, но почему-то не поднимался.

— Приду, — сказал Андрей. — Только собери в четвёртом скамьи. Там по крайней мере будет куда посадить тех, кого ты не знаешь.

Костин взглянул на Ивана и Гришу. Гриша держался за отцовскую сумку, уже пустую. Костин подвинулся и первым подал ему руку.

В четвёртом раньше был школьный вагон. Скамьи придвинули к стенам, а доску оставили на месте. Под ней мелом были написаны три примера на деление. Кто-то успел стереть ответы рукавом.

Костин поставил у доски ведро угля. Люди пропустили его молча. Потом встала женщина с хлебной ведомостью. Андрей узнал её по голосу. Она читала фамилии в пятом.

— Кто из девятого, поднимите руку, — сказала она.

Поднялось восемь рук. Леонид сидел у выхода. Он поднял руку последним и держал её, пока женщина заносила число на доску.

— Остальные где?

— С больными, — ответила Анна. — Двое у Веры. Зина там с братом. Семён Ильич умер.

Женщина подняла мел и замерла. Потом провела под восьмёркой черту.

— Меня Раиса зовут. Я от пятого. Мне велели спросить, сколько ждать и кого нам считать при выдаче. Я своих посчитала, потом половину увидела здесь. Они говорят, в восьмом тепло, а в пятом стенка мокрая. Если все туда уйдут, зачем мы топим пятый?

— Туда всех не пустят, — сказал кто-то с задней скамьи.

Раиса обернулась.

— Я и спрашиваю, кто решит.

Костин зачерпнул уголь и высыпал обратно. Несколько кусков упало мимо ведра. Они прокатились по полу, и Гриша остановил один носком ботинка.

— Столько осталось сухого на отопление, если отложить мешок на дорогу, — сказал Костин. — Из девятого доски. Они горят быстро. Новых до вечера мы не принесём. Андрей, говори, когда сможем пройти.

— Федя ещё не закончил осмотр.

По скамьям прокатился шум. Молодой из кухни, тот самый, что накрывал хлеб фартуком, поднялся и приложил ладонь к доске, как прикладывают к двери, чтобы её не открыли из коридора.

— У Феди в восьмом никого, — сказал он. — Он может весь день там мерить.

— А у тебя кто? — спросил Леонид.

— Мать в пятом. Ей утром кружку воды не дали. Сказали, для тех, у кого жар.

— Как зовут мать?

Парень посмотрел на Раису, потом на ведро. Он явно пришёл говорить от всей кухни и до этой минуты был уверен, что про мать никто не спросит.

— Тамара, — сказал он. — С восьмой койки.

Раиса дописала «Тамара» рядом с восьмёркой. Парень отнял ладонь от доски. Под ней остался влажный след.

— Давайте я помогу воду носить, — сказал он. — Если вы скажете, куда.

Андрей уже хотел ответить, когда у двери засмеялись. Смех был короткий и злой. Степан стоял за спиной Леонида, привалившись к косяку.

— Он помогает, пока кто-то видит, — сказал Степан. — Утром первым за сумкой полез.

Парень толкнул скамью коленом. Андрей успел встать между ним и Степаном. В ту же секунду у окна опрокинулось ведро. Люди нагнулись за углём. Несколько человек стали подбирать его и отдавать Костину. Другие прятали за пазуху. Андрей увидел это сразу, но удерживал парня за локоть и мог только смотреть. Тот рванулся ещё раз, потом сообразил, что его мать у доски записали наравне с людьми из девятого. Перестал дёргаться.

Костин поднял пустое ведро.

— Положите на стол, — сказал он. — Кто взял, пусть положит, я уйду к двери.

Он действительно ушёл. Андрей отпустил локоть парня. Куски угля посыпались на стол, сперва по одному, потом горстью. Никто не принёс уголь к Костину. Гриша подождал, пока у

стола освободится место, и положил туда тот кусок, который остановил ботинком. Затем вытер подошву о собственную штанину.

Дверь из тамбура открылась. На пороге стоял дежурный из котельной. Рядом с ним был человек, которого Андрей припомнил только по имени. Гущин. Он заведовал грузовой платформой. У него был хороший длинный кожух, и сейчас он стоял в распахнутом кожухе, без шапки, словно вошёл к себе домой.

— На локомотиве никого нет, — сказал он. — Я посадил туда двоих. Если тут решили стоять, пусть хоть ключи отдадут. Люди на ветке уже стоят с лопатами. Они хотят ехать, а не на скамье сидеть.

— Кто у пульта? — спросил Андрей.

— Митя и Клим.

— Они вели состав с вагонами?

— Митя водил в депо. Умеет.

Андрей пошёл к выходу. Гущин остался на месте. В дверях можно было пройти, если повернуться боком. Андрей повернулся. Гущин поднял локоть и прижал его к косяку.

— Договоримся при людях, — сказал он. — Ты держишь город у воды. Я предлагаю подать хотя бы первые три к складам. Дадут груз, вернёмся за остальными.

— Где развернёшься?

— По той же дороге назад.

— По какой дороге? Федя ещё на ней.

На скамье поднялся Иван. Конторская сумка висела у него на плече, и на полу под ней уже натекла вода.

— Первые три примут, — сказал он. — Приму я или другой. Но в накладную впишут один состав. Второй раз по ней не дадут. Им какая разница, куда вы потом вернётесь.

Гущин опустил локоть. Андрею показалось, что тот впервые посмотрел на Ивана по-настоящему. До этого он видел мокрого человека из низины, которому дали место на скамье.

— Вы из складских? — спросил Гущин.

— Я выписывал людей на выдачу.

— Так выпишите нас.

Иван снял сумку, поставил на пол и раскрыл. Внутри лежали мокрые тесёмки и оторванный угол ведомости. Гущин посмотрел туда и усмехнулся. Никто не подхватил. Андрей прошёл в тамбур. За ним сразу вышли Костин и дежурный. Уголь на столе остался под присмотром Раисы.

На переходе дежурный сказал, что кабина заперта изнутри. Он успел прикрыть выход на площадку и предупредить Митю, что клапан на тормозной магистрали ещё не проверили. Митя ответил, что тогда будет ждать кого-нибудь, кто проверит. Клим ничего не ответил. Встал между Митей и дверью и приказал потушить лампу.

У кабины Андрей увидел свет. Лампу не потушили, только отодвинули от окна. Митя сидел на месте помощника и смотрел в колени. Клим стоял у пульта. Когда Андрей постучал, Клим посмотрел не на него, а вниз, на щель между вагоном и машиной. Андрей проследил за его взглядом. На снегу лежала Зинина кастрюлька. До этого он видел её у Веры, под матрасом, куда убирали чистые кружки. Теперь в ней было немного угля.

Андрей ещё раз постучал.

— Митя, открой.

Митя встал. Клим схватил его за рукав. Митя повернул голову, шепнул ему что-то, и тот выпустил ткань. Когда дверь открылась, Андрей увидел на сиденье под Митей свёрток с бельём. Тот поднял его обеими руками.

— Мы никого отцеплять не собирались, — сказал Митя. — Гущин сказал, если занять машину, вы покажете, что себе оставили.

— Где показать?

Митя покосился на нарисованные пальцем окна на стекле.

— Нам сказали, в шкафчике списки тех, кого повезут первыми.

Андрей открыл шкафчик. Накладные, ракетница, место для вторых часов. Он вынул всё и положил на сиденье. Клим наклонился над бумагами. Не стал читать. Проверил, нет ли под ними ещё чего, и отошёл к двери.

— Я ему говорил, что там нет, — пробормотал Митя.

Костин подвинул лампу обратно к пульту. При свете стало видно, что рука у него снова кровит. Клим посмотрел на неё и подал Костину тряпку, которой затыкали трещину на стекле. Тот взял. Андрей улыбнулся было, когда Клим впервые посмотрел ему в глаза. Клим тут же отвернулся.

— Кто принёс кастрюльку?

— Зина. Она сказала, Вера велела найти кого-нибудь с руками потеплее, — ответил Митя. — Там у неё брат не пьёт. Я хотел сходить. Клим сказал, надо остаться.

Митя сказал это при Климе. Потом поднял свёрток и вышел. Клим постоял ещё секунду и пошёл следом. Никто их не остановил.

Костин сел, прижал тряпку к руке и попросил дежурного поднять кастрюльку со снега. Дежурный спустился. Андрей положил ракетницу в шкафчик, а список расхода топлива оставил на пульте.

— Снеси им это в четвёртый, — сказал он Костину. — И скажи, что первый ковш идёт на воду. Решать, кто поедет, будем после того, как Федя скажет, что путь держит.

— Они опять захотят ключи.

Андрей вынул из кармана ключ от тали. Ключ от кабины был у Веры. Этот он долгое время носил машинально, каждый раз перед выходом проверял рукой, на месте ли.

— Скажи, что ключ у Веры. Если им очень надо, пусть сами у неё возьмут.

Он убрал ключ от тали обратно. В рации кто-то позвал Костина и тут же поправился: «Голова». Это был Федя. Он говорил приглушённо, словно в трубку летел снег.

— По одному вагону провести смогу. А локомотив пока нет. Пускай тот, кто у вас там хотел ехать, подойдёт и посмотрит. Мне надо, чтобы он увидел, куда ушла земля.

Андрей прижал трубку к уху.

— Ты где?

— На другой стороне канавы.

— Как перешёл?

В ответ раздался низкий скрежет. Андрей узнал звук стальной лопаты, когда ею скребут камень. Федя закрыл рацию ладонью, но слишком поздно. Кто-то совсем рядом приказал ему положить инструмент на землю.

— Федя, — сказал Андрей.

Из рации донёсся хлопок. Потом всё затихло. Андрей сунул трубку в карман и пошёл к двери. Костин поднялся за ним.

— Ты останься. Если понадобится увести людей с пути, тебя послушают.

— Пока я стоял у доски, меня тоже слушали.

Андрей обернулся. Костин смотрел на шкафчик, где Митя искал список. Лицо у него было такое, какое Андрей помнил ещё по товарным рейсам. Костин с этим лицом выходил забирать у начальника депо ведомость после аварии. Потом приносил два экземпляра, один подписанный, другой чистый, и долго сидел, выбирая, какой отдать.

— Меня там тоже не послушали, — сказал Андрей. — Я просто оказался ближе к двери.

У стрелки Саша сидел на рычаге. Калошу он потерял, и Миша обмотал ему ногу куском полотнища. Миша уже поднялся навстречу Андрею. На плече у него висела верёвка, туго свёрнутая кольцом. Он показал вдоль ветки, туда, где из леса выступала каменная стенка.

— Федя на той стороне. По стволу перешёл. Там двое. Один мне рукой показал, чтоб стоял. Я думал, за ним ещё люди.

— А второй?

— Второй сел на край и сапоги с себя снял. Ноги грел. Может, они тоже с воды пришли.

Андрей присел за стрелочным фонарём. Отсюда был виден конец поваленного ствола. Снег на нём стёрли сапогами. За стволом, у каменной стенки, лежала лопата Феди. Рукоятка уходила за бугор, и Андрей сперва не понял, почему она так низко. Потом из-за бугра поднялся человек, толкнул лопату ногой и сел обратно.

— Федя! — крикнул Андрей.

— Я тут, — ответили из-за стенки.

Человек у лопаты встал. Он был в свитере с закатанными рукавами. Шапку прижал локтем к животу. Говорил он негромко, и Андрею пришлось встать, чтобы разобрать слова.

— Кто от состава старший?

— Я. Не трогайте его.

— Сами не лезьте. Тут земля ходит. Он под ней чуть не остался.

Федя поднялся над стенкой. Он держался за плечо второго человека. Брюки у него были в глине до пояса, а из кармана вывернулась подкладка. Андрей заметил, что человек поддерживает Федю открытой ладонью, бережёт ему локоть. Тогда спустился к стволу.

— Не по нему, — сказал Федя. — Справа есть выход. Я сперва полез напрямик, лаз теперь завалило.

Они встретились у старой трубы, наполовину погружённой в землю. По трубе тянулся телефонный кабель. В одном месте кабель провис, и человек в свитере перешагнул через него так привычно, что Андрей сразу представил, как тот ходил здесь ещё до снега.

— Борис, — назвался он. — У складов охрана. Это Устин. Он здесь путь разводит.

Устин, тот, что поддерживал Федю, кивнул. Сапог на нём не было. На ногах он оставил толстые шерстяные носки, поверх них намотал мешковину. Сапоги стояли в сухом месте за стенкой. Один был набит снегом до края голенища.

— С какой стороны её пилить начали? — спросил Федя у Устина.

— Отсюда. Мне объяснили, что подпорки надо менять. Я думал, к вечеру закончим. К вечеру мне уже дали ключ от ворот и сказали туда не пускать никого.

— Ты пилил?

— Одну. Вторую Борис.

Борис взглянул на него и поправил под локтем шапку.

— Ты пришёл от состава, вот и скажи, сколько вас, — обратился он к Андрею. — Нам нужно знать, сколько груза готовить. Пока выйдет одна платформа. Её подадим к канаве, вы перенесёте мешки. Уголь в руки. К себе состав не тащите.

— А куда вы денете людей, которые ночевали на дворе?

Борис перестал поправлять шапку.

— Они к вам вышли?

— Почти все. Обоих из конторы тоже вынесли.

Устин опустил голову. Федя снял его руку с локтя, попробовал стать ровно и снова привалился к стене.

— Вы знали, куда пойдёт вода? — спросил он.

Борис выпрямился. На груди под свитером обозначилась квадратная пачка. Андрей сначала принял её за книжку. Борис вынул пачку: пропуска, перевязанные бечёвкой. Он снял верхний, проверил, цела ли печать, и подал Андрею.

— Берите этот. Он на расход. Носильщиков пропустят туда и обратно. Остальные пусть ждут у вас.

— Сколько угля?

— На перегон должно хватить. Устин знает вес.

Устин посмотрел на Бориса. Тот держал пачку так, что большой палец лежал на печатях.

— Восемь мешков, — сказал Устин. — Если ещё двое распишутся, дадут десять. Только за платформу оставите залог.

Федя поднял голову.

— Какой залог?

— Ручную таль. У нас в нижнем складе балка просела. Дня три работы.

Федя тихо рассмеялся. Смех закончился кашлем. Андрей протянул ему рукав, чтобы тот мог утереться. Федя отмахнулся и сказал:

— Вы можете восьмью мешками заплатить за работу. И таль после работы уйдёт с нами. Я вам даже покажу, как балку поднять.

Борис убрал пачку за свитер.

— Про работу разговор будет там. Мне сказали привести человека, который отвечает за машину.

Федя поднял лопату и подал Андрею. На кромке осталась глина с полоской свежего дерева. Андрей провёл пальцем по полоске и вспомнил спиленные опоры.

— Сколько людей пропустят по этому листку?

— Троих.

— Тогда мы идём втроём. Я, Федя и человек, который знает выдачу. Таль останется у состава. Ребята ваши доведут нас до платформы и покажут, что на ней лежит.

Борис взглянул на Устина. Тот стоял босой в своих намотках и уже глядел на сапоги.

— Третий кто? — спросил Борис.

— Иван. Он бумаги на дворе потерял, зато имена помнит.

С той стороны канавы Саша свистнул. Миша ответил и пошёл к стволу. Андрей остановил его жестом. Велел встретить Федю там, где выходила из земли труба.

Пока Федя переходил, Борис обулся. Один сапог он отдал Устину, второй оставил себе. На обеих свободных ногах у них были намотки из одного мешка. Устин посмотрел на свою ногу и засмеялся. Борис сказал ему что-то вполголоса. Андрей разобрал только «потом поменяемся».

Федя дошёл до конца трубы и остановился. Миша держал его за рукав, Саша подставил здоровую ногу ему под пятку. Теперь, когда лопата была у Андрея, Федя мог подняться, только опираясь на обоих. Он всё же поднялся и оглянулся через плечо.

— Скажи Костину, что на рельсы я вышел своим ходом, — сказал он.

— Зачем ему это?

Федя переставил ногу. Глина, налипшая на сапог, отвалилась тяжёлым комком.

— Он всегда спрашивает, сколько человек понадобилось. Пусть в этот раз спросит, что сделано.

Андрей поднял рацию и вызвал Костина. Сказал, что Федя возвращается, велел позвать Ивана и попросил передать Вере, что к складам пойдут за углём. Костин ничего не записывал, пока Андрей говорил. В трубке было слышно, как он трет тряпкой стекло у пульта.

— Вера ушла в восьмой, — ответил он. — Иван рядом. Сколько, говорят, дадут?

— Восемь мешков. Посмотрим на платформу.

Костин помолчал.

— У меня тут Раиса. Она возле часов стоит. Скажи ей сам, сколько мы ещё можем ждать.

Андрей посмотрел на лес. Над ним уже поднимался дым, которого с насыпи раньше не было видно. Дым шёл сразу из двух труб. Одну он нашёл глазами. Вторую закрывали деревья.

— Пусть пришлёт Ивана, — сказал он. — Потом я ей скажу.

Рация ещё секунду шипела. В этом шипении Андрей различил голос Раисы: она просила Костина оставить дверь открытой, потому что к нему идёт Зина. Потом связь оборвалась.

Иван пришёл без сумки. На месте, где ремень всю дорогу тёр ему шею, он повязал платок. Вместе с ним пришла Зина. Она несла рукавицу Андрея, ту, что он отдал Вере.

— Она сказала, там ветер сильнее, — объяснила Зина.

Андрей натянул рукавицу. Большой палец лёг точно в зашитый угол. Девочка смотрела, пока он расправлял шерсть, потом спросила:

— А уголь у них продаётся?

— Пока говорят, что дадут за работу.

— Папа тоже может работать. Он у брата сидит. Попросил меня сказать, что никуда больше не пойдёт. Я ему сказала, пусть сам вам скажет.

Она развернулась и пошла обратно. Андрей дождался, пока Саша подаст ей руку на подъёме, и только тогда повернулся к Ивану. Тот смотрел на Бориса, стоявшего по другую сторону трубы.

— Ты его знаешь?

— Пропуск ему выписывал. Он тогда ещё за матерью ухаживал. Потом для неё место у печи понадобилось. Он дважды приходил просить.

— Дали?

— Дали. На ночь. Утром вынесли кровать и поставили другую.

Иван перегнулся через трубу, ухватился за кабель и перебрался. Андрей пошёл следом. За каменной стенкой их дожидался Устин. Он нашёл для Феди сухую палку и очищал её от коры тем самым ножом, которым обрезали бечёвку на пропусках. Федя стоял рядом, уже почти ровно. Когда Устин подал палку, он обтёр её рукавом и только потом перенёс на неё вес.

— Далеко до платформы? — спросил Андрей.

— До ворот пять минут, — ответил Борис. — До платформы смотря кого там поставили записывать.

Шли по насыпи, пока под ногами не показался щебень. Здесь снег лёг тоньше. Дальше тянулся забор, собранный из шпал и листов железа. На одном листе сохранилась надпись «Котельная», только буквы были повёрнуты вниз. У ворот стоял табурет с жестяной миской. В миске на самом дне лежала вода. Видно было, что кто-то прежде наливал её до краёв: по стенкам остались полосы льда.

Со двора донёсся медленный стук. Андрей ожидал, что кто-то колет дрова. За воротами показался парень с молотком. Он ударял по сцепке платформы и после каждого удара пробовал её ногой. Чуть дальше между двумя складами тянули верёвку. На верёвке сушили простыни. Одну подняли, пропуская тележку с пустыми бидонами. Андрею на секунду открылся край длинного окна. Изнутри к стеклу прижались ладони. Кто-то тут же опустил простыню, и ладони исчезли.

Борис отдал пропуск женщине за дверью. Она протянула руку, не показывая лица. Печать затрещала под её ногтями.

— Трое, — сказал Борис.

— Четверо. Иван вернулся.

Она открыла дверь шире. Иван остановился. Андрей услышал, как он перехватил дыхание, словно только сейчас собрался сказать то, что приготовил на всю дорогу.

— У меня люди со двора в поезде, — сказал Иван. — Шестнадцать. Заявка размокла. Я могу написать ещё раз.

— Гриша где?

— Тоже там.

Женщина вышла. На ней был такой же серый платок, как у Ивана, только завязанный высоко, у подбородка. В руке она держала их пропуск. Сначала Андрей подумал, что она собирается его порвать. Женщина отогнула край, сняла ногтем приставшую к печати нитку и вернула бумагу Борису.

— Я за Гришей утром ходила, — сказала она Ивану. — Звала с дороги. Если ты его слышал, почему не ответил?

— Я был наверху, папку складывал. Окно закрыли.

Женщина дождалась, пока он договорит. Потом подняла руку и показала на простыни.

— Пока ты папку складывал, во втором складе освободилось место. Теперь опять занято. Веди меня к нему, когда вернёшься.

Она взяла табурет и отнесла внутрь. Миску оставила на земле. Борис поднял миску, поднёс к губам и выпил. Пока пил, Андрей посмотрел на Ивана. Тот по-прежнему стоял у двери. На платке у него появилась тёмная точка: он прикусил щёку изнутри, и кровь добралась до края ткани.

Восемь мешков лежали на платформе под одним брезентом. У каждого горловина была стянута вдвое, словно мешок уже открывали и после этого подбирали лишнюю ткань. Андрей развязал ближайший. Сверху лежал уголь. Он запустил руку по локоть, нашёл второй слой и вынул серый камень. Камень пачкал пальцы как уголь, но на сколе был гладкий. Федя подцепил брезент палкой и заглянул в другой мешок.

— Половина, — сказал он.

— Два хороших, шесть пополам, — ответил парень с молотком. — Я им говорю, что больше на оси не положишь, а им надо, чтоб по ведомости стояло восемь.

Борис поставил миску на край платформы.

— Кто сказал насыпать породу?

Парень посмотрел на него и снова ударил молотком по сцепке. На этот раз железо сдвинулось. Он проверил ногой и кивнул, как будто только этого и ждал весь разговор.

— Вы же сами из нижнего ряда сказали брать.

Борис забрал у него молоток. Парень не сопротивлялся. Стоял, глядя, куда теперь деть руки. Федя подобрал с платформы небольшой кусок угля и провёл по доске короткую чёрную черту. Потом взял камень из рук Андрея и провёл рядом вторую. На доске осталась одна царапина.

— Если для нижней балки нужно три дня, — сказал Федя, — за первый день мне четыре мешка настоящих. Два сейчас. Тогда пойду смотреть.

— Тебе сначала на ногу встать надо, — сказал Андрей.

Федя опёрся на палку и оглянулся на окно за простынёй.

— Я поэтому и сказал «смотреть».

Иван подошёл к парню с молотком и спросил, как попасть во второй склад. Парень посмотрел на дверь, из которой вышла женщина с платком, потом сказал, что во втором сегодня никого не выпускают. Иван переспросил, держат ли там больных.

— Пока кто как говорит. На двери табличка «На выдачу». Так и висит.

Андрей шагнул к краю платформы. Простыня на верёвке изогнулась под ветром. Под ней показались мокрые ноги человека, который стоял прямо у окна. Он двигал ступнями по очереди, грея одну о другую.

— Борис, сколько здесь людей, которым сказали ждать поезд?

Борис положил молоток на доски. Андрей ждал, пока тот назовёт хотя бы число. Потом из-за простыни кто-то постучал в стекло. Один раз, второй. Борис повернулся к звуку.

— Я не считал, — сказал он. — Говорили, у поезда будет одна платформа. Потому и просили вас приехать втроём.

Федя положил уголь обратно в мешок. Борис заметил это и потянулся затянуть бечёвку. Андрей придержал горловину.

— Эти два понесут к составу сейчас. Потом поговорим, что поднимать и куда везти.

— Мне такого не велели.

— А тебе велели камень насыпать?

Борис посмотрел на парня, у которого отобрал молоток. Тот стоял у табурета, согнув руки, как будто молоток всё ещё был у него. Борис поднял с платформы инструмент и подал ему рукояткой вперёд.

— Отметь два, — сказал он. — Оба из верхнего ряда. Я скажу, что выдал на осмотр.

Парень не взял молоток. Сначала сходил под навес за дощечкой и написал мелом два номера. Потом вернулся. Борис всё это время ждал с вытянутой рукой.

Иван уже ушёл к двери. Женщина в платке открыла ему со второго стука. В щели показалась узкая деревянная ложка. Женщина придерживала ею щеколду, чтобы та не заедала.

— Валя, — сказал Иван. — Их сколько за окном?

— С утра сорок один. Если утром правильно посчитали. Троих увели в нижний склад.

— Кто увёл?

Она вытащила ложку, и дверь начала закрываться. Иван вставил ногу между створкой и порогом. Валя посмотрела на его ботинок.

— У одного жар, у двоих руки почернели. Их можно было ещё вчера вынести, пока у нас носилки были. Только кто-то записал, что выдача началась, и поставил людей у двери. Я им говорю, выдача через окно. Они мне говорят, бумага велит через дверь.

— Кто писал?

— Твою бумагу переписали. Имя твоё внизу.

Иван убрал ногу. Валя придержала дверь ложкой и пропустила его внутрь. Андрей пошёл следом, но она сразу протянула руку:

— Вы сперва скажите, у вас есть где этих троих положить?

Андрей вспомнил простыню в восьмом и проход между матрасами, куда помещалась одна нога.

— Для троих найдём.

— Тогда надо сразу выносить. У нас внизу печь затопили, а дым ещё с ночи к полу тянет. Я окна велела отворить. Они открыли верхние, нижние заколотили, чтобы уголь не воровали.

Федя услышал это с платформы. Он спустился, опираясь на палку, и попросил провести его к нижнему складу снаружи. Борис подобрал миску и пошёл с ним. Иван остался у двери. Валя попросила его подержать ложку. Когда он взял её, она прошла мимо и направилась к воротам. Андрей догнал её у листа с перевёрнутыми буквами.

— Ты куда?

— К сыну. Потом вернусь с носилками.

Она сказала это быстро, но у ворот остановилась и снова посмотрела на склад. Из-за простыни никто больше не стучал.

— Если Гриша спросит, зачем я ушла от его отца, — сказала она, — скажите, что я за носилками. Остальное я ему потом сама.

Андрей проводил её до щебня и вернулся. Два хороших мешка уже переложили на тележку. Устин укрыл их тем же брезентом, под которым прежде лежали все восемь. Край получился длинный. Он подоткнул его, а Андрей привязал, чтобы ткань не попала под колёса. Устин спросил, возьмут ли на обратном пути человека, который умеет править стрелки.

— Смотря какого человека, — ответил Андрей.

Устин кивнул и взялся за тележку. Когда она тронулась, у него с ноги сползла мешковина. Он остановился, наклонился, поправил её и побежал догонять тележку, которую никто не придержал.

За нижним складом снег стал чёрным. От стены поднимался дым. Он выходил из щели между кирпичной трубой и крышей и тут же опускался под карниз. Федя упёр палку в снег, отыскал под ней каменную ступеньку и поднялся к двери. Снизу дверь была тёплая. Сверху на ней под замком блестел иней.

— Открыть можешь? — спросил он Бориса.

— Могу. В прошлый раз открыли, балка легла на дверь. Троём назад закрывали.

— Потому таль и понадобилась?

— Потому и понадобилась.

Борис вынул ключ. Федя ждал, не прикасаясь к двери. Андрей видел, как он осматривает кладку над косяком. В одном месте раствор свежо осыпался, и из шва торчала солома. Федя отбил кусок пальцем, понюхал и сбросил в снег.

— Там балка не просела, — сказал он. — Её горячей тянет. Сначала печь погасить. Потом поднимать.

Борис вставил ключ в замок. Дверь отворилась на ладонь. Из щели потянуло дымом, и Борис сразу отвернулся. Андрей обмотал рот рукавицей. Федя прижался к стене. Внизу, у самого пола, кто-то засопел. Потом в щели показались пальцы. Они ощупали дверь снаружи, будто там должна была быть ручка.

— Ноги к порогу, — сказал Андрей. — Вы нас слышите?

Пальцы исчезли. Через секунду изнутри заговорила женщина:

— Я стою. Это он под дверью. Я его сюда дотащила.

Андрей полез к двери. Борис удержал её ключом, Федя подставил палку под край. Женщина внутри нащупала лежащего за ворот, Андрей взял за запястья, и они вытащили его по снегу. Из-под его шапки капала вода. Борис наклонился, снял шапку и узнал человека.

— Прохор, — сказал он.

Сказал так тихо, что Андрей сперва решил, будто он обращается к кому-то за спиной.

— Кто это?

— Кто меня сюда поставил. Он утром сам пришёл проверить, где у нас накладные лежат.

Федя подвинул палку выше. Дверь отворилась ещё немного. Из неё вышла женщина, кашляя в ворот. Второго больного она вела за собой, держа пальцами за пояс. Сама отойти от стены уже не могла. Андрей опустился на снег, подхватил её и стащил вниз со ступени. Она села и спросила, вынесли ли Прохора.

— Вынесли, — ответил Борис.

Она кивнула. Потом увидела складскую дверь, опёртую о Федину палку, и вдруг схватила Андрея за запястье.

— Там мешки за печью. Он за ними вернулся.

Борис поднялся. Федя поймал его взгляд и покачал головой. За дверью что-то тяжело осело. Палка выгнулась, выскочила и легла на снег. Дверь захлопнулась так быстро, что ключ у Бориса остался в скважине.

Они отнесли людей под навес у платформы. С первого склада вышли двое с одеялами. Парень, который записал номера мешков, принёс табурет, поставил возле женщины и попытался налить ей кипятку из высокой жестяной кружки. Она подхватила кружку обеими руками. Вода перелилась на пальцы, а она всё равно держала.

Вскоре у ворот появилась Валя. С ней пришли Вера, Леонид и Яков. Леонид нёс носилки. Андрей увидел на них пояс от Семёнова пальто. Пояс срезали пополам и сшили концы так, чтобы человек не соскользнул. Сшито было крупно, в четыре стежка. Кто это сделал, спросить сейчас было не у кого.

— Павел очнулся, — сказала Вера, принимая у Андрея край одеяла. — Спросил, уехали ли мы. Я сказала, пока стоим. Он мне сказал: «Тогда успеете выключить свет».

Андрей посмотрел на лес. Между деревьями ещё светило окно второго склада. По стеклу изнутри медленно прошла чья-то ладонь и оставила след в запотевшем углу.

— Сперва этих троих, — сказал он. — Потом откроем второй.

Борис достал пачку пропусков, пересчитал листки и положил пачку на табурет рядом с остывающим кипятком.

— У второго ключ у Прохора, — сказал он. — Я знаю, где искать.

Он встал на колени возле носилок. Прохор лежал с открытыми глазами и следил, как Борис расстёгивает ему кожух. Когда тот добрался до внутреннего кармана, Прохор перехватил его руку и сжал. Борис подождал, пока пальцы разожмутся сами.

Прохор выпустил его руку и полез за пазуху сам. Ключ висел на тесёмке. Он снял её через голову, подал Борису, но придержал за конец.

— Нижний замок сперва. Верхний заедает.

Борис кивнул, и только тогда Прохор отпустил тесёмку. Вера вытянула у него из-под шеи сбившееся одеяло. Прохор повернул голову к ней и спросил, где женщина, которая дотащила его до двери. Вера показала на табурет. Женщина сидела там же, с пустой кружкой. Прохор долго смотрел на неё, потом закрыл глаза.

За простынями собрались Иван и парень со сцепки. Тот держал молоток за головку, чтобы им удобнее было выбить замок. Увидел ключ у Бориса и спрятал молоток за спину. Иван снял с верёвки простыню и свернул её мокрой стороной внутрь. За стеклом перестали различаться лица. Внутри заслонили окно, как заслоняют огонь ладонью, когда с улицы поглядели слишком пристально.

Борис справился с обоими замками. Дверь открыл на себя. На пороге стоял человек в жилете из мешковины, с верёвкой вместо пояса. Он был с усами, худой и выбритый так неровно, что на подбородке остался белый клочок. В руке у него был металлический крючок.

— Идти можно? — спросил он.

— Можно выйти, — сказал Андрей. — Куда пойдёте, сейчас обсудим.

Человек поднял крючок и передал его Ивану.

— С печки. У нас больше ничего такого нет, можете оглядеть.

Он вышел. За ним двинулись остальные. Андрей отступал от двери по мере того, как люди занимали двор. Кто мог, вставал под навес. Один мужчина вывел жену в одной рубашке и сам снял перед ней брюки, чтобы она надела их поверх чулок. Никто не оглянулся. Иван попросил мальчишку у двери принести из конторы гвоздь. Вынес наружу дощечку с надписью «На выдачу», перевернул её и вошёл следом за мальчишкой.

— Гвоздь зачем? — спросил парень со сцепки.

— Список повешу. Ты умеешь писать?

— Печатными.

— Пиши печатными, — сказал Иван.

Андрей дождался, пока Вера закончит считать тех, кому тяжело стоять. Их было семеро, считая троих из нижнего склада. Двоих она устроила на мешки с породой. Один отказался ложиться, пока ему не найдут жену. Вера спросила имя, вышла из-под навеса и привела женщину, которая держала под мышкой чужие брюки. Женщина села рядом с ним. Вера накрыла их обоих той простынёй, которую снял Иван.

— Всех в восьмой не поставишь, — сказала она Андрею. — Если дадут ещё вагон с печью, я возьму семерых. Остальные пусть идут только после того, как узнают, куда лягут.

Иван вышел с дощечкой. На ней уже стояло сорок три чёрточки. Двое, которых утром пропустили при подсчёте, всё это время лежали за деревянной перегородкой у печки. Один из них держал при себе котелок. Теперь он стоял возле Ивана, держал котелок за дужку и просил записать себя в первых носильщиков.

— Ты можешь стоять? — спросил Андрей.

— Стою же.

— Постой ещё минуту. Вера посмотрит.

Человек опустил котелок. Андрей поднял рацию. Костин ответил неожиданно громко. Кто-то рядом с ним передвигал стул по полу.

— Сколько в шестом можно освободить? — спросил Андрей.

— Двенадцать нижних мест, если с шестого уйдут в пятый.

— Спроси, уйдут ли. У меня здесь сорок три человека. Семеро лежачих.

Стул перестал скрести. Костин выждал секунду, потом сказал:

— Раиса слышит. Сейчас спросит у шестого. Ты людям пока ничего про места не обещай.

При этих словах человек с котелком опустил дужку на снег. Андрей увидел, как несколько стоящих у навеса человек повернулись к воротам. Они уже знали, что за воротами тележку приходится пропускать по одному. Если пойдут все разом, на трубе опять осыплется земля. Андрей мог велеть Борису закрыть ворота и сначала пропустить носилки. Он посмотрел на Бориса. Тот уже снял одну створку с крюка и открыл её до самого забора.

— Кто без носилок, подождите у меня, — сказал Борис. — Пока покажу, откуда идти. На трубу будете выходить по двое.

Это услышали. Человек в жилете из мешковины постоял у створки и сам отошёл, освобождая место.

Федя вернулся от платформы с обрезком доски. На одном конце он начертил план, на другом поставил четыре отметки. Оказалось, за складами есть вторая ветка, на которой оставили крытый вагон для порожней тары. Борис сказал, что вагон опечатан с осени. Иван снял дощечку с гвоздя и спросил, знает ли Федя, как пройти туда, не пересекая двор.

— Знаю. Мне парень показал. Только у вагона одна колёсная пара в земле. Пока её не отроют, с места не уйдёт.

— Зато и греть можно здесь, — сказала Вера.

Борис нашёл глазами Прохора. Того уже переложили на носилки. Он не спал. Под подбородком виднелась полоска тесёмки: Вера привязала ею к пуговице ложку, чтобы не потерялась по дороге.

— Прохор! — позвал Борис. — Вагон за тарным, чей он?

Прохор не повернул головы. Андрей подумал, что тот не слышит, и хотел подойти. Он уже сделал шаг, когда Прохор вытянул из-под одеяла руку и показал на табурет. На табурете лежала вся пачка пропусков, которую Борис оставил перед тем, как снять с него ключ.

— Там бланк есть, — сказал Прохор. — На обороте подпиши, что принял.

Борис взял пачку. Перебрал листы дважды, ничего подходящего не нашёл. Сунул их в карман и пошёл за Федей. За поворотом Федя остановился, прислонив доску к животу, чтобы поправить сапог. Борис подождал. Потом взял его под локоть, и они пошли дальше вдвоём.

В рации Костин сообщил, что шестой даст восемь мест. Четверо жильцов готовы перейти в третий, если пекарь согласится до утра держать открытой дверь. Остальные просили дать им сначала посмотреть, кого привезут. Андрей передал трубку Вере. Она спросила, есть ли у восьми мест стенка между койками. Костин сказал, что есть, тонкая, с просветом наверху. Вера попросила вымыть за стенкой пол. Он повторил просьбу кому-то рядом, и Андрей услышал Зинин голос: «Я уже там мою».

У ворот Иван разыскал мальчишку с гвоздём и попросил добавить возле каждой чёрточки имя. Мальчишка разложил дощечку на краю платформы. Подошла женщина с пустой кружкой. Она надела на голову простыню, сползшую у неё с плеча, и назвала себя первой. Потом поставила кружку рядом с именем, чтобы другим было куда положить гвоздь, пока он не понадобится снова.

Андрей пошёл проводить первые носилки до трубы. Прохора понесли последним из троих. На середине пути тот открыл глаза и сказал, что хочет вернуться в нижний склад. Андрей наклонился к нему, решив, что человек бредит. Прохор повторил. Объяснил вполне внятно, что в стене у печки оставил жестянку с чужими карточками. Он собирал их у тех, кто не смог заплатить углём за ночь, и теперь не помнил, кому сколько вернуть.

— Скажи Ивану, — ответил Андрей. — Он запишет, кто там был.

Прохор снова закрыл глаза. Андрей уже выпрямился, когда тот схватился за край носилок.

— Я некоторым говорил, что их карточек не было.

Из-за трубы махнул Устин. Он успел отвезти уголь и теперь возвращался с пустой тележкой. На второй ноге у него тоже был сапог. Андрей махнул ему в ответ. Потом взялся за носилки ближе к Прохоровой руке и понёс дальше.

У восьмого их встретила Зина. Она стояла на верхней ступеньке с ведром. Когда увидела носилки, подняла ведро над головой, чтобы дать им пройти. Вода полилась ей за ворот. Она не заметила, пока Вера не сняла ведро у неё с рук.

— Кто вымыл пол в шестом?

— Митя. Я только под кроватью не достала. Он туда сам полез.

— Ты теперь к брату?

— Папа там. Он мне сказал, чтобы я поспала.

Зина спустилась на нижнюю ступеньку, и Андрей увидел, что тапки она перетянула бечёвкой. На одной ноге узел уже съехал под пятку. Андрей хотел поправить, но Зина шагнула к двери и придержала её для следующих носилок.

В шестом освободили все восемь мест, как обещали. На матрасах остались вмятины от людей, которые спали здесь прошлой ночью. Одну подушку хозяева забрали, другую оставили, положив сверху записку. Вера подняла её на свет. На обратной стороне старой хлебной карточки было написано: «Вернуть, когда встанут». Той женщине, которая вынесла Прохора, досталась именно эта подушка. Она хотела подложить её ему. Вера подержала подушку у неё перед лицом, пока женщина не поняла, что на матрас укладывают её саму.

Андрей вышел в проход. Раиса ждала у трубы, где собирали кружки. Перед ней стояла пустая кастрюля. Она сказала, что ждёт уже полчаса. Пока он был у складов, принесли воду на восьмой и шестой, а на пятый ещё нет.

— Сколько осталось? — спросил Андрей.

— Воды?

— Людей у вас, которые ждут.

Раиса отняла руки от кастрюли.

— Девятнадцать. Две внучки с дедом. Тамара у окна. Можешь зайти пересчитать.

Андрей узнал человека, наступившего на хлеб, раньше, чем вспомнил его голос. Он посмотрел на кастрюлю. В ней легко можно было унести воду для девятнадцати, если каждому достанется по полкружки. Унести по скользким площадкам было труднее, чем налить.

— Пойдём со мной. Я понесу обратно.

В котельную они добрались, пока дежурный перебирал доски. Он отделял сухие куски от тех, на которых сошла краска. Увидел Раису, вытащил из-под лавки накрытый котелок и поставил на край топки. Котелок был полный. Раиса подошла и сунула под ручку тряпку.

— Я думала, у них всё выпили, — сказала она.

— Им другое налили. Твоё я грел.

Она приподняла крышку. В котелке плавал листок. Раиса достала его двумя пальцами и расправила на столе. Это был лавровый лист, который кто-то оставил на дне после супа. Она засмеялась. Получилось громче, чем ей хотелось. Дежурный обернулся, и Раиса показала ему лист. Он тоже улыбнулся. Потом они оба посмотрели, как Андрей переливает воду в кастрюлю, чтобы ни капли не ушло мимо.

К запасному вагону Андрей вернулся после полудня. От ворот уже шла тропа: люди разобрали стойки от навеса и положили поперёк грязи. У самой штабельной стены Борис выковыривал землю из-под колеса. Федя сидел на подножке, держал дощечку с расчётом и время от времени называл глубину. Кто-то подал ему палку подлиннее, чтобы он мог достать от ступеньки до буксы.

— Он нам здесь простоит до вечера, — сказал Борис, не поднимая головы. — Две двери открыли. Печь внутри. Там двадцать человек можно посадить и ещё пятерых положить на пол.

— Сколько на печь? — спросил Андрей.

Федя поднял дощечку. На обороте были четыре числа. Два он зачеркнул.

— Одним мешком начнём. Вагон остывший. Первый час греть будете железо. Потом люди сами дадут тепло. Только если их сразу туда набить, окна запотеют и по стенам опять потечёт.

— Что с колёсами?

— Этот край освободим. Второй пока не трогаем. Если оба отрыть, вагон покатится. Башмак нам обещали, я его ещё не видел.

Борис выпрямился. Грязь подсохла у него на локтях. Он махнул в сторону ворот, где парень со сцепки тесал негодную шпалу. Рядом с парнем лежал настоящий башмак. Парень положил его на дерево и пытался вырубить второй по форме.

— Первый им нужен на платформу, — сказал Борис. — Сказали, деревянный нам сойдёт.

Федя посмотрел на уклон, даже головы не подняв. Андрей понял, что вопрос он уже задал и ответ услышал.

— Первый сюда, — сказал Андрей. — Платформа пустая. Её можно отогнать к воротам и оставить у упора.

Борис взял лопату и пошёл за башмаком. Федя проводил его взглядом. Потом перевернул дощечку и прижал к колену.

— Тут ещё ход есть, — сказал он. — Под горой. Его на карте нет, потому что грузовой путь заканчивается у третьего склада. Дальше когда-то возили отвалы. Если расчистить стрелку, состав можно вытянуть задом на ту сторону, без канавы. Устин вчера там пешком ходил. Говорит, путь весь на месте.

Андрей сел рядом. После поездки к мосту и обхода двора у него впервые была возможность сесть на что-то за пределами кабины. Подножка оказалась тёплой от Феди.

— До дальнего выхода сколько?

— Устин говорит, четыре километра. Может, пять. В середине темно. Надо проверить вентиляцию, прежде чем вести туда всех.

— А если остановимся внутри?

Федя провёл ногтем по доске. Под ногтем осталась чёрная полоса.

— Тогда оттуда пешком до обоих концов идти далеко.

У ворот позвала Валя. С ней пришли Гриша и Маруся. Валя держала в руках несколько деревянных бирок. Она хотела развесить их на крючках у запасного вагона, чтобы люди потом могли найти свои вещи. Гриша нёс её платок. Когда она подошла к Феде, он обежал её и показал на одну из бирок.

— Я эту написал, — сказал он.

На бирке было выведено «Лидия». Ниже, мельче, стояла буква «П». Андрей спросил, кто велел так написать.

— Тётя Лида. Она сказала, если другую Лиду найдут, у той на бирке будет «К». А если Полину, пусть её к нам первым делом приведут.

Он отдал бирку Андрею и убежал за матерью. Андрей перевернул её. С обратной стороны шла царапина, похожая на начало ещё одной буквы. Он сунул бирку за обшлаг, чтобы потом повесить сам.

Вера пришла под вечер. Они с Андреем встретились у двери запасного вагона. Борис поставил под колесо башмак, дежурный прислал уголь, и из трубы уже шёл ровный дым. Вера посмотрела на трубу, потом положила голову Андрею на плечо. Андрей подумал, что ей нужно рассказать о проходе под горой. Она стояла не шевелясь, и он решил подождать, пока она сама поднимет голову.

— Леонид умер? — спросил он наконец. Ему показалось, что она принесла какую-то беду из восьмого, а он слишком давно не спрашивал про отца Зины.

— Жив. Он сына на руках держит. У мальчика жар спал. Я спросила Леонида, ел ли он. Он мне пожал плечами. Ребёнок проснулся и сказал, что папе его хлеб отдавал.

Вера выпрямилась. Андрей заметил, что она смотрит на бирки. Он достал Лидину и повесил на свободный крючок.

— А Полина? — спросила Вера.

Он ответил, что пока никто не пришёл. Вера сняла с плеча сумку и поставила на пол. Из сумки торчали вторые часы. Андрей узнал царапину на крышке. Он сам выставил на них верное время, прежде чем отдал Леониду. Теперь часы опять отставали на девять минут.

— Я у Павла забрала, — сказала Вера. — Он попросил. Говорит, когда они идут правильно, он слышит, как вагон падает.

Из тёмного проёма за горой ветер принёс запах угля. Вера услышала, как Андрей вдохнул, и подняла голову. В проёме на мгновение показался огонёк. Поезд стоял за два поворота отсюда, и его прожектор с этого места был виден только на снегу над крышей. Огонёк же держался на уровне земли. Кто-то там нёс лампу. Или стоял с лампой и ждал, пока её увидят.

Огонёк пропал, когда Андрей заслонил рукой лампу у двери. Он отнял руку и снова увидел его. Свет двигался вместе с его тенью.

— Стекло, — сказала Вера.

Федя спустился с подножки. Он взял лампу и пошёл к проёму. Из земли у входа торчал длинный столб. На столбе сохранился сигнальный фонарь без крышки. Внутри, под сколотым стеклом, блестела отражательная пластина. Когда Федя поднёс лампу, по стене тоннеля побежал свет.

— Вот он, — сказал Андрей.

Федя поднял лампу выше. Огонёк внутри исчез. Потом появился снова, дальше и ближе к левому рельсу. На этот раз Федя стоял совершенно неподвижно.

— А тот чей? — спросила Вера.

От входа было видно, как свет качается в такт шагам. Шаги услышали позднее. Человек в тоннеле ступал на середину шпал и через каждые несколько останавливался. Он вышел к столбу в длинном брезентовом плаще. Снял с лица очки, в которых одно стекло было белым от царапин, и посмотрел по очереди на всех троих.

— Устина ждёте?

— Он тут вчера ходил, — ответил Федя.

— Ходил. Я ему показывал, где шахта.

Человек поставил лампу на рельс. На ручке болтались две полоски ткани. Когда он выпрямился, Андрей заметил у него под плащом пояс с карабинами. Один карабин был раскрыт и забит мокрой солью.

— С той стороны вышли трое, — сказал он. — Идут к складу. Я короче пошёл. Попросили передать, что у них там ещё человек. Он сел у лестницы, не хочет дальше.

— Почему?

— Говорит, ждёт, пока за ним вагон придёт.

Федя отвёл лампу от рельса, чтобы видеть колею. На головках ещё лежал тонкий лёд, дальше металл был чистый. Человек в плаще показал, где заканчивается наледь. Оттуда до развилки, сказал он, шагов восемьсот. За развилкой тоннель меняет уклон. На подъём локомотив сможет взять всё, что привёл, если вагоны снимут с тормозов и не повезут пустого железа. Дальше был длинный спуск. Когда там стояли лесовозы, в середине ставили дежурного с красным фонарём. Воздух шёл из шахты поперёк пути, и его фонарь с обоих концов видели одинаково хорошо.

— Шахта работает?

Человек разжал пальцы на лампе. На правой ладони у него был свежий кровоподтёк.

— Я снизу её отворял. Заслонку на зиму закрыли. Если у вас есть чем натянуть, можно оставить открытой.

Федя переспросил, сколько весит заслонка. Человек ответил, что вдвоём едва сдвинули бы. Федя показал на карабин. Человек поднял пояс, отцепил его и подал Феде. Тот повертел карабин, потом вышел назад, к запасному вагону. Андрей подождал, пока он отойдёт, и спросил, кого встретили у лестницы.

— Я его первый раз вижу, — сказал человек. — У него сумка фельдшерская. Я думал, дойдёт с остальными. Он сел и сказал, что за ним уже вышли.

Вера подняла свою сумку с пола.

— Как он одет?

— Куртка путейская. Низ рваный. И на шее у него часы. На шнурке.

Андрей посмотрел на часы, торчавшие из сумки Веры. Она закрыла клапан и повесила сумку на плечо.

— Кто с тобой раньше ходил? — спросила она.

— Меня Аркадием зовут. Я за насосом смотрю. Сегодня одного оставили. Когда шахту полез открывать, там пришлось выбирать, что первым тащить. Лампу я вытащил, пояс потом. Человек ушёл без меня, когда я ещё на лестнице был. Видно, обратно вернулся.

Андрей взял его лампу. Полоски ткани у ручки оказались от шарфа. Он запомнил их по красной нитке, которую увидел у Веры на запястье. Могла быть такая же нитка. Он не стал тереть ткань пальцами, чтобы разглядеть получше.

С верхнего двора позвал Федя. Он привёл Бориса и Устина. Устин теперь был в обоих сапогах, а Борис обмотал себе ноги двумя только что снятыми со стены простынями. Аркадий увидел Устина, усмехнулся и спросил, где они взяли столько железа. Федя держал под мышкой одну из своих лап. Вторую нёс Устин.

— На шахту пока не сунемся, — сказал Андрей. — Сначала человек.

Аркадий показал, где у входа начинается пешеходный настил. Вера пошла рядом с ним. Андрей передал Феде запасную лампу. Они вошли вчетвером, оставив Бориса и Устина у ворот. Сразу стих ветер. Андрей слышал, как Вера идёт рядом. Сумка касалась стены, и пряжка чиркала по кирпичу. Через несколько шагов он взял сумку у неё и повесил на своё плечо.

Настил кончался у первой ниши. Аркадий остановился. Под ногами у него лежал шнур. Один конец уходил вглубь, другой был привязан к болту. Аркадий присел и поднял его. Шнур был натянут.

— Я тут его оставил, — сказал он. — Дальше поперёк пути водосток. Кто ходил после меня, перехватил шнур выше. Теперь за него можно держаться.

Он потянул, и далеко внутри что-то упало. Вера сказала, чтобы больше не тянул. Они пошли вдоль шнура, не касаясь его. На повороте в глубине появился жёлтый квадрат. Андрей увидел, как от квадрата к ним идёт слабая полоска света. Подошёл ближе и узнал в ней боковую цепь лестницы. Свет шёл от лампы, которую кто-то поставил на третью ступеньку. На нижней лежал сапог. На верхней ступеньке свисал брезентовый рукав.

Человек сидел за лестницей, на каменном выступе. Вера наклонилась к нему, заслонила свет и тихо спросила, слышит ли он её. Человек поднял голову. Увидел Андрея через её плечо и вдруг улыбнулся.

— Дошли, — сказал он. — Я успел затормозить.

Андрей вытянул лампу в сторону, чтобы свет падал сбоку. Человека он никогда прежде не видел. На рукаве у него было пришито два обрезка ткани, один поверх другого. Из-под второго виднелась часть фамилии, которую Андрей сам написал на ведомости, когда ему выдали первую форму.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Человек перевёл взгляд на лампу. Улыбка пропала. Он подтянул к себе лежавший сапог, прижал к груди и ответил:

— Если скажу, ты снова уйдёшь.

— Тогда пока не говори, — ответил Андрей.

Вера попросила его опустить лампу. Человек сразу прикрыл глаза. Без света он дышал ровнее. Вера провела ладонью от локтя к запястью и нащупала в рукаве нитку. Потянула за неё. Из подкладки вышла длинная завязка, которой рукав стянули внутри, чтобы держался разошедшийся шов.

— Это кто сделал?

Человек дёрнул рукой.

— Зина.

Андрей отступил к стене. Федя, стоявший за ним, тихо поставил лампу на шпалу. Аркадий остался у поворота. Оттуда он мог видеть вход, если присесть. Никто не попросил его идти ближе.

— Зина сейчас у нас в поезде, — сказала Вера. — Пойдёшь с нами, сам спросишь.

Человек открыл глаза и посмотрел на сапог, который держал у груди.

— Она ещё маленькая?

Вера снова взялась за его руку. Андрей хотел ответить, что маленькая. Но Зина сегодня уже успела отогреть сапоги, принести хлеб, разыскать отца и вымыть пол под чужими койками. После всего этого он с трудом мог припомнить, как утром она сидела у печки и ждала, пока у неё оттает обувь.

— Она брата караулит, — сказал он.

Человек положил сапог на камень и попытался встать. Под одной ногой скользнул мокрый кирпич. Андрей успел подхватить его. Куртка была тяжёлая, из карманов лилась вода. Они с Верой усадили его обратно. Федя подал свою палку. Человек взял её за середину и некоторое время держал горизонтально над коленями.

— Вы мне подождите три минуты, — сказал он. — Нога пройдёт.

Вера посмотрела на Андрея. Он снял сумку с плеча и вытащил часы. На крышку попал свет из ниши. Он нажал пальцем защёлку. Стрелки остановились. Секундная стояла между делениями. Андрей перевернул часы и услышал внутри слабый сухой щелчок.

— Эти? — спросил он.

Человек мотнул головой. Потом взял Андрея за запястье и подвинул часы ближе к своему лицу.

— Мои на лестнице были. Когда лез, снял. Если эти ваши, уберите. Там у них стекло вылетает.

Андрей потрогал стекло. Оно сидело плотно. Вера достала из сумки чистый платок и обернула часы. Пока она это делала, человек осторожно натянул сапог. На голенище не было никаких примет. Андрей поймал себя на том, что уже смотрит, цел ли ремешок, и отвернулся.

Аркадий свистнул от поворота. У входа кто-то нажал на гудок. В тоннеле он прозвучал глухо, словно подали сигнал из закрытой комнаты. Федя поднял лампу. Человек в старой куртке сразу встал и оттолкнул Веру локтем.

— Здесь не стойте. Пойдёт первый.

Андрей сам едва не кинулся за ним. Гудок смолк. Рельсы не дрожали. Федя, не сводя глаз с колеи, опустился на корточки и положил два пальца на стык.

— Стоят, — сказал он. — Это снаружи отдали.

Андрей вызвал Костина. Тот ответил с задержкой. Слова приходили по одному. Сначала «открыли», потом «коптит», потом «отбой». Андрей повторил вызов. Костин попросил вынести всех к свету и дышать там. У запасного вагона загорелась сажа в трубе, и дым начало затя-

гивать под гору. Люди уже вытащили из вагона тюфяки, тушат крышу. Ветер с той стороны успел перемениться.

Федя поднял руку к потолку. Высоко в кирпичном своде есть места, откуда штукатурку выбило давно. Под одним таким местом в свету лампы висела паутина. Она вытянулась в сторону развилки и прилипла к стене.

— Аркадий, ты заслонку до конца открыл?

— На два пальца. Больше не пошла.

— Значит, тянет в шахту.

Федя взялся за ремень на своём поясе, нащупал порванные стежки и убрал руку.

— Пойдём наружу, — сказал Андрей. — Отсюда больше никто один не ходит.

Человек возле лестницы вдруг успокоился. Он поднял палку, дождался, пока Андрей подаст руку, и сделал шаг. Потом второй. Вера шла сзади и несла лампу низко, чтобы перед ним были видны все шпалы. Один раз человек встал и попросил вернуться за чем-то. Вера спросила, за чем. Он подумал и ответил, что забыл. Они пошли дальше.

У входа снег летел почти горизонтально. Аркадий выбежал первым и придвинул к проёму деревянную скамью. Человек сел, вынул из кармана обрывок бечёвки и привязал палку к ножке. Только после этого Андрей смог отойти. У запасного вагона ему встретилась Валя. Она несла смятый тюфяк, от которого ещё шёл дым. Лицо у неё было в саже. Андрей спросил про людей.

— Всех вывели. Один с печи вниз прыгнул, повредил руку. Гриша рядом с ним. Он его за локоть держит и не верит, что теперь можно отпустить.

Огонь в трубе погасили. Сажа прожгла стык, и теперь над крышей висело дырявое колено. Борис полез наверх снять его до того, как оно упадёт. Для света ему поднесли две лампы. Под крышей стояла та женщина, которую Вера устроила на оставленной подушке. Подушку она принесла с собой. Когда колено сошло со стыка, женщина подставила под него подушку, чтобы Борис не держал раскалённое железо голыми руками. Подушка засвистела. Женщина уронила её в снег, отступила и посмотрела на Веру.

— Я новую им сошью, — сказала она.

Вера подбежала, вывернула ей ладони. Одна оказалась чистая, другая в двух местах покраснела. Андрей подхватил из снега тюфяк и положил отдельно. Он видел, как Костин идёт вдоль ворот. Тот разговаривал с Гущиным. Снег задувал под кожух, и Гущин держал полу рукой. Увидел Андрея, остановился и сказал:

— Теперь все ваши к нам просятся. Сажать будете?

— Сколько влезет. Пока не починим трубу.

— А почините, опять назад выгоните?

Андрей посмотрел на Федю. Тот сидел на скамье рядом с незнакомцем. Оба грели руки у одной лампы. Федя объяснял, что палку можно привязать прямо к поясу, если сделать петлю под рукояткой. Незнакомец смотрел на его пальцы и кивал.

— Посадим до утра, — ответил Андрей. — Утром всем вместе скажем, кто и куда едет.

Гущин почесал подбородок, будто ему было неудобно признаться, что он согласен. Потом повернулся к Костину.

— Там Митя уже на воду встал. Пусть меняет клин у дверцы. Он умеет. Мы ему держать будем.

Андрей отошёл к скамье. Незнакомец развязал бечёвку, поднял палку и спросил, почему у них сегодня так много ламп. Он сказал это со спокойным любопытством, каким, наверное, спрашивал о чужом городе в те дни, когда умел назвать своё имя.

— Потому что вчера не хватило, — ответил Федя.

Незнакомец принял ответ. Он встал, посмотрел на гору и сам пошёл к свету вагона. Федя поднялся после него. Андрей ждал, что тот попросит помочь. Федя положил руку на его плечо, спустился со скамьи и сказал:

— Утром шнур у лестницы проверим. Кто-то его на высоту переставил. Нам теперь такая высота пригодится.

Утром оказалось, что запасной вагон протопили зря. Дым от прогоревшей трубы въелся в доски. Когда открыли двери, первым вышел тот человек, который просил записать его в носильщики. Он держал котелок. Прежде чем сойти, зачерпнул им снег с крыши и бросил в печь. Оттуда поднялся белый пар. Человек дождался, пока пар рассеется, прикрыл дверцу и ушёл к составу.

Андрей нашёл Гущина у третьего склада. Тот распоряжался разгрузить платформу. Мешки с породой уже сложили в стороне. Работали среди ящиков, на крышках которых ещё можно было различить выцветшие рисунки: чашка, зонтик, две стрелки вверх. Гущин велел ставить ящики рисунком к стене.

— Там что? — спросил Андрей.

— Пустые бутылки. Они нам оси держать не будут.

Андрей поднял крышку ближнего. По ячейкам перекатилось стекло. Под бутылками лежал сложенный вдвое лист. Он вытащил его. Это был список городских грузов с проставленным весом, лист из книги Гущина. Напротив пустых бутылок карандашом приписали «масло». Андрей сунул палец в горло одной из них и вытер о снег. На пальце осталась густая жёлтая полоска.

— Ты сюда масло привёз?

Гущин сделал знак людям, чтобы продолжали. Один ящик проскользнул у него за спиной, затем второй. Третий несли двое. По тому, как они переставляли ноги, Андрей понял, что он полный.

— Я ещё осенью сюда его сложил, — сказал Гущин. — Тогда вы все собирались перестать ходить этой дорогой. Сказали, разгружай лишнее. А по весне кто бы за ним приехал? Раиса?

— Ты говорил, у нас его два бидона.

— У нас было два. Остальное моё.

Он сказал это так спокойно, будто сообщал, какой у него размер сапог. Андрей поднял бутылку, в которой на дне осталось две ложки масла. Гущин смотрел на неё. Двое, державшие полный ящик, остановились и поставили его прямо на землю.

— Кто за ним ходит? — спросил Андрей.

— Иногда Валя. У неё дома за это дают муку. И ещё двое. Я их не назову.

Гущин дождался, пока Андрей положит бутылку обратно.

— Сколько хочешь взять? — спросил он.

Андрей сразу представил, как велит людям разломать ящики и отнести всё к пекарю. Представил также мальчика, которому через неделю не дадут муки, потому что Валя приедет с пустыми руками. Склад был полон чужих счётов. Какой бы он ни открыл, в конце стояло имя, которого он не знал.

— Один полный ящик, — сказал он. — В пекарню. Запишем, кто отдал и сколько. Остальное взвесим, пока люди здесь.

— Зачем взвешивать, если остальное моё?

— Потому что ты мне только что сказал про осень. Мне надо знать, какой груз ты хочешь повезти весной. Если сегодня будем резать состав, для твоих бутылок мест может не быть.

Гущин приподнял крышку полного ящика. Внутри даже верх бутылок был чистый. Он вынул одну, проверил пробку и поставил на место.

— Тогда пусть Митя отнесёт, — сказал он. — Он знает, к какой двери.

Федя вернулся к полудню. На этот раз шёл сам и хромал меньше. Он положил у двери кабины две лампы, свою и Аркадиеву, и развязал сумку. В ней лежал шнур с мокрым узлом на конце.

— Там за лестницей ещё ниша есть. Шнур шёл через неё. Аркадий думал, его просто выше привязали, а он привязан к заслонке. В неё с другой стороны прижали петлю. Я потянул, чтобы проверить, и заслонка открылась ещё на ладонь.

— Кто привязал?

Федя сел на ступеньку. Отёр шнур о снег, и из узла высыпалась горсть мелких деревянных щепок. Андрей узнал красный лак. Таким лаком красили поручни в старых вагонах. Новый он никогда не видел в таких количествах, чтобы им покрывали целый поручень.

— Тот человек сказал, что он. Я его спросил, как делал узел. Он сделал при мне. Один в один.

— Имя сказал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.